

Александр Михайловский
Юлия Маркова

В краю Багрового Заката

Плавание за 40 тысяч лет до нашей эры

16+

Прогрессоры - 1

Юлия Маркова
В краю багрового заката

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

В краю багрового заката / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-1062-5

Первый том приключенческой саги «Прогрессоры». Жизнь скромного учителя труда бесповоротно меняется после того, как он вместе с несколькими юными друзьями-детдомовцами обнаруживает в лесу таинственное нечто, открывающее временной проход в Каменный Век. Уйти, чтобы не вернуться... Попытаться направить человечество на иной путь развития... Совершая сознательный выбор, герои знают, что путь их отныне будет наполнен тяжелым трудом и неведомыми опасностями. Но край нетронутых просторов зовет неизведанными тайнами и манит тысячей возможностей, и увлекательный процесс построения нового общества меняет не только окружающий мир, но и самих героев.

ISBN 978-5-5321-1062-5

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

В оформлении обложки книги, с разрешения руководства клуба "Полярный Одиссей", использована фотография поморской лодыи "Груммант", собственноручно построенной членами клуба в 1989 году.

<http://polar-odyssey.org/shipbuilding/shipbuilding-history/409-2013-12-19-07-56-55>

Я не знаю, где встретиться
Нам придётся с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой,

И мелькают города и страны,
Параллели и меридианы,
Но таких ещё пунктиров нету,
По которым нам бродить по свету.

(М. Светлов)

ОТ АВТОРОВ

:

Уважаемый читатель! Книга, которую вы держите в руках, является первой частью книжной саги «Прогрессоры» и повествует о том, что случилось с теми, кто, добровольно покинув современный мир со всеми его благами, эмигрировал в Каменный Век.

Добровольными эмигрантами стали люди, которым не нашлось места в нашем современном мире и которым был дан шанс уйти туда откуда нет возврата и там построить себе новое светлое будущее. Кто они такие, взявшие на бремя ответственности за доверившихся их попечению подростков и детей? Обычные люди – учитель, отставной военный, геолог и медицинский работник. Но это и не совсем обычные люди. У каждого имеется своя причина покинуть ту цивилизацию, которая их взрастила. Но самое главное – это то, что все эти люди цельные, честные и с большим жизненным опытом. И хоть об этом и не говорится вслух, но каждый из них втайне надеется, что человечество, находящееся на заре своей юности, теперь, благодаря им, в своем развитии пойдет более прямым путем и не повторит своих прежних ошибок.

Часть 1. Ладожский этюд

5 декабря 2010 года. Воскресенье. 10:05. Ленинградская область. Лес в окрестностях поселка Назия.

Пять человек не спеша шли по зимней лесной просеке. Четверо из них были подростками в возрасте шестнадцати-семнадцати лет. Их звали Сергей, Валера, Лиза и Катя. Они являлись учениками школы-интерната для сирот. Пятым в этой компании был мужчина средних лет, преподававший в том же интернате физику, химию, географию и, что самое интересное, труд. В обычных школах этот предмет отсутствовал как таковой уже несколько лет. Если какую-то вещь и можно было сделать своими руками, то Сергей Петрович ее сделал бы, и научил этому других.

А еще он относился к этим подросткам не просто как к казенным сиротам и объекту приложения формальных трудовых усилий, а как к несчастным детям, которых жизнь лишила нормального человеческого детства. Он просто любил их, как мог бы любить своих собственных детей, и старался научить тому, что им могло бы пригодиться во взрослой жизни. Как забить в стенку гвоздь и починить сломавшийся стул, как сварить суп или пожарить картошку. А также кому можно верить в этой жизни, а кому не стоит. За глаза дети звали этого доброго, умелого, и с виду немного неуклюжего человека просто Петровичем.

Являясь в душе романтиком и исследователем, учитель имел одну страсть, своеобразное хобби. Благодаря этому увлечению он был счастливым обладателем уникального сокровища – это был сделанный его собственными руками в лодочном сарае двенадцатиметровый цельнодеревянный без единого гвоздя кораблик, с полным водоизмещением в восемнадцать тонн. Для неопытного глаза сухопутного человека все корабли одинаковы, но специалист сразу бы заметил плоское, скругленное днище – при такой форме корпуса давящий на него лед выжимает корабль наверх. Создавая свой собственный проект, Петрович взял за основу обводы поморского коча. Но и только – на самом деле это было детище синтеза множества конструкций – так стародавних, так и вполне современных. От карбаса его корабль унаследовал сшитую внахлест без единого гвоздя обшивку. Подобно кораблям сибирских казаков, корпус этого кораблика был целиком изготовлен из лиственницы, что обещало ему очень высокую надежность и долгую службу. От более современных кораблей проект получил отсутствие надпалубного борта и леерное ограждение. Минус тонна мертвого веса – как сказал тогда учитель труда, сделав окончательный расчет.

Вместе со своим наставником этот кораблик строили и его юные друзья. Собственно, это был их общий коч. С гордостью смотрели они на чудо, творимое их собственными руками, лелея в душе надежду отправиться следующим летом на этом необычном корабле в плавание по Ладожскому озеру. Этой мечтой они жили, как другие дети живут ожиданием Нового Года, Дня Рождения, или поездки к морю. Ради этой мечты, лишь однажды побывав у учителя на даче, они два года помогали ему пилить, строгать, резать, и клеить. И если сначала они не могли и гвоздя в доску забить, то теперь им всем смело можно было присваивать звания если не мастеров, то подмастерьев точно.

А девочки ко всему прочему научились вполне прилично готовить, чтобы кормить после работы проголодавшихся мужчин. Это для выпускниц детдомов и интернатов считалось большой редкостью. Ведь девочки, прожившие начало своей жизни на всем готовом, как правило, не могли сделать себе даже бутерброда.

К несчастью, такая счастливая жизнь была у них только по воскресеньям и во время каникул, когда они каждый день ездили на дачу к любимому учителю.

Сергей, невысокий коренастый блондин, до знакомства с Сергеем Петровичем, считался трудным подростком, и администрация интерната уже подумывала о его переводе в заведение с более строгим режимом. Хотя и в самом интернате порядочки были тоже не ахти, но с тех пор, как в своем кабинете от внезапной остановки сердца умер старый директор, власть захватила (по-другому и не скажешь) бывшая завуч, которую в глаза все звали Галиной Гавриловной, а за спиной – Гориллой Горилловной. Дородная, с большими загребущими руками, эта пятидесятилетняя тетка красила редкие волосы в красный цвет и носила кружевные воротнички. Ее маленькие карие глаза были похожи на буравчики, а очки на золотой цепочке редко использовались по назначению – чаще всего они мирно дремали на ее необъемной груди, по соседству с белыми кружевами. И лишь когда она распекала кого-то из своих юных подопечных, для очков начиналась интересная жизнь – они то резко вскакивали на орлиный нос своей хозяйки, то, яростно сорванные ее рукой, вновь плюхались на мягкие полушария, для того чтобы через несколько минут опять быть водруженными на изначально предназначено для них место.

Стиль руководства нового директора заключался в палочной дисциплине и тотальной мелочной экономии на всем. Конечно, самих палок как таковых не наблюдалось. Если факты избиения детей выплыли бы наружу, то Гориллу Горилловну могли не только вышибить с работы, но и отправить в казенный дом, несмотря на ее выдающиеся габариты и многочисленные «волосатые лапы».

Но в медблоке все же была оборудована комната с решетками на окнах, скромно именуемая «изолятором», на самом деле являющаяся мягким вариантом самого обыкновенного карцера. Сереже несколько раз пришлось там гостевать. Впечатления были не из приятных,

что, впрочем, отнюдь не выбило из него духа противоречия и болезненной тяги к справедливости. Дружба с Петровичем дала выход его неумемной энергии и частично оградила от придирок Гориллы. Возможно, они на этом и сошлись. Петрович тоже всегда защищал несправедливо обиженных. Сам трудовик был невелика птица, и севшая в директорское кресло бывшая завуч могла расправиться с ним одним росчерком пера. Плевать, что он тянет за четверых – все равно, по ее мнению, из этих недоумков не получится ничего, кроме бандитов и проституток. Она уже собралась было уволить Петровича и прекратить его совершенно неуместное панибратство с «этими», но тут на горизонте появился еще один персонаж.

В тихое болото интерната, полное квакающих лягушек, вдруг заплывла акула. Присланный на должность завхоза и учителя физкультуры старший прапорщик запаса Орлов за время своей службы в частях спецназначения ГРУ прошел славный боевой путь от Саланга до Цхинвала. На этом пути он приобрел раннюю седину, взгляд убийцы, многочисленные дырки в теле, государственные награды и очень широкие связи. Горилла навела справки и узнала, к каким Большим Начальникам может запросто зайти на прием этот человек. И, конечно же, ему они не откажут.

И как назло, новый физкультурник почти сразу же близко сошелся с трудовиком и его «бандой». Настолько близко, что поселился на даче своего коллеги, когда супруга бывшего старшего прапорщика решила, что они с мужем не сходятся характерами. Андрей Викторович ушел из дома с одним «тревожным» чемоданом, оставив все нажитое жене и детям, и поселился в каморке за спортзалом. На третий день такого житья Сергей Петрович подошел к своему новому товарищу и сказал, что тот может жить на его даче столько, сколько пожелает. Дом большой, зимний, есть вода, дрова, электричество. Прочие удобства – во дворе. Да и одному человеку много места не нужно.

Единственное, в чем не сходились новые друзья, так это в отношении к морю. Орлов, как человек чисто сухопутный, называл коч Петровича «баловством», но при этом одобрял привлечение подростков к творческому труду и сам никогда не отказывался помочь в нелегком деле малого судостроения. Вот и пойми после этого человека...

Со стороны дружба этих, весьма разных по увлечениям и складу характера людей, казалась необъяснимой. Но, может быть, дело было в том, что, как говорил Сергей-младший: «Они оба настоящие...». Впрочем, некоторым личностям этого было не понять.

Сам же Андрей Викторович считал, что если убрать нынешнего директора, то взамен могут прислать кого-нибудь еще хуже, поскольку в системе образования больна «консерватория», а это вопрос не для спецназа ГРУ. Плюс он находил хотя бы в том, что с его появлением толстая стерва начала оглядываться по сторонам и придерживаться хоть каких-то рамок. Детей стали более-менее сносно кормить, несмотря на то, что жирные, не вмещающиеся в окно раздачи рыла сотрудников пищеблока, до сих пор продолжали контрастировать с тонкими обтекаемыми фигурами воспитанников.

Как раз такой, до предела тонкой, и была девочка Лиза, которая стала ездить на дачу к учителю вместе с Катей, своей подругой и приятельницей Сергея-младшего. Две эти девочки были неразлучны. Они ели за одним столом, на уроках сидели за одной партой, в спальне их кровати стояли голова к голове. Поневоле подруги привлекали к себе внимание, поскольку представляли два совершенно разных типажа – и по внешности, и по темпераменту. Лица была тихой и молчаливой, Катя – шумной и смешливой. У Лизы – длинные черные волосы, и восточные раскосые глаза, а у Кати – волосы светло-русые, курносый нос и серые глаза. Лизу мать оставила в роддоме, отказавшись от нее сразу после рождения, и девочка не знала о ней ровно ничего – ни имени, ни того, какого она была роду-племени. А Катя до одиннадцати лет жила в обычной семье – вместе с папой, мамой, братишкой и сестренкой. Но однажды страшная трагедия разрушила мирную жизнь этой семьи – родители Кати погибли в авиакатастрофе 24

августа 2004 года, когда Ту-154Б авиакомпании «Сибирь» упал в районе поселка Глубокий, Ростовской области.

Катя, а также шестилетний Антон и трехлетняя Вероника, остались на руках у бабушки с бабушкой, родителей Катиной мамы. Пожилым людям не разрешили оформить опеку. Так дети, все трое, оказались сначала в детдоме, а потом и в этом интернате. То, что детей не разлучили, было заслугой Катиной бабушки, но это было все, чего она смогла добиться.

Четвертый член их компании, Валерий, первоначально присоединился к этой группе из-за своей тихой и щенячьей влюбленности в Лизу. Валерий тоже родился в самой обычной семье. Его отец, водитель-дальнобойщик, неплохо обеспечивал жену и двоих детей. Но шоферское счастье переменчиво. И однажды разогнавшийся тяжелый седельный тягач не вписался в поворот на скользкой после дождя дороге. После смерти отца мать начала пить, и однажды зимней ночью замерзла в сугробе у подъезда. Так тринадцатилетний Валерий и восьмилетняя Марина оказались на попечении государства.

Сегодня у Петровича и команды был своего рода праздник. Утром, придя на дачу, они быстро закончили конопатку последних швов в палубном настиле и убедились, что корпус их маленького кораблика полностью готов. Паруса девочки сшили еще летом. После того как мальчики под руководством своего учителя обтянут корпус шпоном и несколькими слоями стеклоткани, соберут и установят рулевое управление, их коч будет готов к спуску на воду, укладке балласта, установке мачт, отделке внутренних помещений и ходовым испытаниям.

Достижение «готовности № 1» они решили отпраздновать лыжной прогулкой. Но с ней ничего не вышло. Осень с этом году выдалась гнилая и запоздалая. Неглубокий снег лег на землю только в декабре. Причем получилось так, что сначала задул северный ветер и ударил пятнадцатиградусный мороз, сковавший землю ледяным панцирем, а уж потом выпал снег и присыпал все это безобразие. Поэтому молодые люди и их наставник решили отказаться от лыжной прогулки, чтобы не калечить лыжи, и вместо этого пошли в лес пешком. Лыжный поход пришлось отложить на следующее воскресенье, в надежде, что этого времени пройдет один-два приличных снегопада.

Возможно, что такой поворот событий и разочаровал кого-то. Но только не молодую суку восточносибирской лайки по кличке Майга. Поводя носом и радостно потявкая, она бежала рядом с хозяином. Уж она-то было довольна прогулкой и не жалела о том, что погода подвела. Конечно, этим двуногим хорошо – на лыжах по самому глубокому снегу вжик-вжик, вжик-вжик, а ты тут будешь при каждом шаге проваливаться по самое брюхо. Нет уж, лучше как сейчас, бежать легко и свободно, гордо задрать голову и закрутив бубликом хвост. О, что это за запах, интересно?! Майга на мгновение замерла, улавливая чутким носом какой-то возбуждающий запах, доносящийся из чащи. Затем, свернув с просеки, собака опустила голову и с лаем, означавшим, что след взят, кинулась в сторону просвета между деревьями.

Сергей Петрович обернулся и успел увидеть, как его лайка мелькнула между деревьями, а затем исчезла, словно ее и не было. При этом ее залихватское тявканье оборвалось мгновенно, будто на телевизоре вырубил звук. Мужчина остановился и, нахмурившись, стал вглядываться в густоту деревьев.

Ребята тоже застыли на некоторое время, а затем, загомонив, решительно кинулись следом за собакой.

– А ну, постойте, ребята! – решительно остановил их учитель; его чутье подсказывало, что здесь явно что-то неладно, а детьми он рисковать не мог. – Не дергайтесь, я сам.

Отломав от засохшей осины длинную кривоватую палку, он двинулся по ясно видимым на неглубоком снегу собачьим следам, внимательно глядя вперед и ощупывая землю палкой, как сапер шупом. Примерно там, где оборвались собачьи следы, палка вдруг встретила какое-то слабое сопротивление, словно уперлась в резиновую мембрану. Мужчина надавил сильнее – и, неожиданно легко прорвав невидимую преграду, палка ушла в нее примерно до половины.

Несомненно, это была та самая дыра, в которую бесследно умчалась Майга. Затаив дыхание, учитель потянул свой импровизированный шуп на себя, и таинственное нечто без сожаления рассталось с сухой осиновой деревяшкой. Внимательно осмотрев палку, Петрович не увидел на ней никаких изменений. Он решил повторить свой эксперимент. Когда дерево опять погрузилось в вязкое нечто, у него за спиной раздался сдавленный возглас, полный изумления: – Ой!

Обернувшись, учитель увидел, что все четверо подростков стоят рядом с ошарашенными лицами. Конечно же, они и не думали оставаться на дороге, а тихонечко прокрались к нему. Ойкнула прикрывшая рот ладонью Лиза, а Катя, широко раскрыв свои серые глаза, мертвой хваткой вцепилась в руку своего парня. При этом тот пригнулся, сжимая в правой руке подбрюшную в подлеске суковатую еловую дубину. Сергей Петрович машинально отметил, как естественно это все у него получилось. Ему стало понятно, что гнать их сейчас от себя просто бессмысленно – все равно не послушаются и вернуться снова.

Вздыхнув, он вплотную приблизился к таинственному нечто, стараясь быть предельно осторожным. Ему показалось, что из этой штуки слышен приглушенный собачий лай. Сделав шаг назад, учитель начал палкой исследовать контуры невидимой дыры. Получилось что-то вроде полуовала, примерно три метра в высоту, и четыре в ширину – этаким пузырь. Ближе к краям пузыря сопротивление увеличивалось, а невидимая субстанция напоминала плотную резину.

Мужчина провел по снегу линию, обозначая то место, где исчезла его собака, потом опять подошел вплотную и, затаив дыхание, сунул в это «нечто» свою левую руку. Ничего страшного не произошло. Прорвав невидимую преграду, рука по самое плечо провалилась внутрь. Не испытав при этом никаких неприятных ощущений, он вытащил руку обратно и осмотрел ее. Ничего особенного – рука как рука. Майга была там – пусть и тихо, но он слышал ее лай. Он должен был сделать последний шаг, поскольку считал себя ответственным за тех, кого приручил.

Обернувшись к подросткам, учитель сказал: «Стоять всем здесь!» и, набрав в грудь воздуха, решительно шагнул в «нечто».

Пространство перед ним упруго сжалось. На мгновение учитель ощутил, что он погрузился в густой клейкий кисель. Секундный спазм – и вот невидимая резинка вытолкнула его на другую сторону.

Мужчина огляделся. Окружавший его ранее лес исчез. Он, несомненно, находился на том же самом месте, только мир вокруг был девственным и юным.

Он стоял на вершине холма. Было тепло, дул влажный ветер. На юг, до самого горизонта, простиралась степь, покрытая пятнами тающего снега. Там, где земля уже открылась лучам весеннего солнца, через пожухлую прошлогоднюю траву к свету дерзко пробивались яркие первоцветы, стремясь поскорее отметиться в этом мире и оставить потомство. Примерно такую же картину весенней степи Петрович уже однажды видел в Казахстане. Ему захотелось протереть глаза, потому что примерно в километре от него по степи степенно вышагивало небольшое, голов в двадцать, стадо лохматых слонов. Мамонты! Их характерные силуэты было невозможно спутать ни с чем. Два совсем маленьких мамонтенка семенили за своими родительницами, держась хоботом за мамин хвост. По сравнению с ними пасущееся поодаль стадо лохматых быков – то ли зубров, то ли бизонов – казалось обычным, колхозным.

На востоке, севере и западе простиралось покрытое крошевом битого льда море. На западе оно выглядело далекой серой полоской, на севере его берег подступал уже ближе, находясь примерно в десяти-двенадцати километрах. А на востоке покрытые шугой волны плескались всего в сотне метрах от его ног.

Майга оглушительно лаяла, разбрасывая лапами оттаявшую землю на южном склоне холма. Петровичу сразу все стало ясно – верная своим охотничьим инстинктам, лайка взяла

след какой-то мелкой зверушки, сходившей на разведку на ту сторону. При первых признаках опасности местный обитатель укрылся в родной норе и теперь крутил оттуда фиги глупой собаке.

Петрович знал, с какой быстротой обитающее на открытых пространствах степное зверье способно выполнить команду «воздух». Да и норы сусликов и сурков, соединяясь в причудливые лабиринты, могли тянуться на многие сотни метров, а то и километры. Это вам не лиса и не барсук, у которых один или два запасных выхода. Тут таких дыр сотни. То тут, то там высились небольшие бугорки свежей земли – после зимы хозяева явно проветривали свои подземные квартиры.

Мир вокруг был живым, реальным и пронзительно-чистым. Учитель пощупал позади себя – упругая, резиноподобная поверхность «дыры» (как он назвал про себя этот лаз в иной мир) была на месте. Надо было возвращаться, но вошедшая в азарт Майга не желала слышать команд. Проведя ногой черту по оттаявшему дерну и отметив таким образом то место, где он попал в этот мир, отважный первопроходец направился к своей собаке с твердым намерением взять ее за ошейник и самым решительным образом призвать к порядку. Но не успел он пройти и десятка метров, как за его спиной раздался тоненький писк:

– Ой, мамочка, мамонты!

Обернувшись, Петрович увидел, что вся его честная компания уже перелезла к нему через дыру. Последней протискивалась держащаяся за руку Валерия Лиза. Да уж, глупо было надеяться, что они останутся на месте. Эту сверхтекучую, как жидкий гелий, молодежь удержать можно только под дулом автомата. Мужчина не знал, что ему делать – плакать или смеяться – настолько растерянные, удивленные и слегка напуганные мордочки были у его юных воспитанников. Но что, если эта «дыра», которая так любезно пропустила их сюда, внезапно захлопнется, и он останется тут, в неизвестно когда и где, с голыми руками и четырьмя подростками на шее?

Правда, у него в кармане лежит коробка спичек, а Сергей-младший, как он знал, несмотря на все запреты таскал с собой короткий, но острый, как опасная бритва, складной нож. Вот вам и весь инструмент выживания. Примерно как у Жюль Верна в его «Таинственном острове». И собака тут же.

Почувствовав хозяйскую руку на своем ошейнике, Майга присмирела. Обычно это означало, что телячьи нежности кончились и начался серьезный разговор, а в случае возражений с ее стороны хозяин предпримет воспитательные меры. Собака старалась избегать этих самых мер, потому что это очень обидно, когда тебя наказывает тот, кого ты любишь.

Но это собака. А с человеческими детенышами воспитательный процесс протекает куда сложнее, особенно, если учесть их и так тяжелое прошлое.

– Сергей, – обратился учитель к вожаку этой маленькой стаи, – я вам где сказал стоять?

Тот закинул свою дубину на плечо и смущенно сказал:

– Мы думали, Сергей Петрович, что вам нужна помощь...

– Хорошо, помощник, – вздохнул тот, – а девчонок зачем с собой потащил?

– А они сами, – виновато сказал Сергей-младший, – пристали, словно репей...

– Ладно, – махнул Петрович рукой, с улыбкой наблюдая, как счастливая Лиза собирает букетик цветов – то ли одуванчиков, то ли мать-и-мачехи, – что сделано, то сделано. Объявляю нашу команду на походном положении.

– Жарко здесь, – сказала Катя, расстегивая зимнюю куртку, – с меня пот так и льет.

– С меня тоже, – подтвердила Лиза, снимая вязаную шапочку, – а что мы будем делать на этом походном положении?

– Во-первых, – сказал Сергей Петрович, – Валера пулей полетит за Андреем Викторовичем...

– А что ему сказать? – спросил мальчик. – Если я ему расскажу про все это, он решит, что я опять клею нанюхался и глюки пересказываю. А я тогда совсем не специально, оно само так получилось...

Мужчина задумался.

– Ничего конкретно ему не говори, – наконец сказал он, – а то еще действительно так подумает. Скажи только, что я просил его взять с собой «Сайгу», Шамиля, бинокль, весь его охотничий джентльменский набор, и чтобы он приехал вместе с тобой сюда на машине. Давай, давай, – поторопил Петрович Валеру, – беги, да пошустрее!

К его великому облегчению, Валерий легко прошел через невидимую дыру и исчез. Оставалось только ждать. Утянуть детей обратно, до тех пор, пока они не нахватались вдоволь впечатлений, нечего было и думать. Да и вид тут, надо сказать, замечательный. Весна, солнце, птички поют, мамонты гуляют. Простор, свобода, красота... Хочется подняться над этим миром и лететь. Мамонты... Да как же это такое возможно? Неужели это все на самом деле с ними происходит?

Серей Петрович принадлежал поколению, которое много читало. Не только читало, но и мечтало. О полетах в космос, о путешествиях в другие миры, о перемещениях во времени. Эра научной фантастики оставила неизгладимый отпечаток в умах подростков той поры. Таинственное и невероятное тогда казалось близким и реальным. Это сейчас дети, пресытившись низкопробными фильмами, не особо верят в разного рода чудеса. А ведь в любимых книгах детства Сергея Петровича описывалось все самое что ни на есть человеческое – дружба, преданность, геройство, стремление к подвигу во имя жизни... Вот и вырастали из тогдашних «книжных» подростков такие люди, как он сам – честные, принципиальные, бойцы и исследователи по сути своей. Только жаль, что, повзрослев, пришлось расстаться с мечтой о других мирах, потому что на основе знаний и опыта довелось убедиться, насколько рационален мир... И вот, оказывается, невероятное все же случается – если, конечно, это все не сон. Так, может быть, зря Петрович когда-то убедил себя в том, что все то, во что он верил в детстве – лишь выдумки писателя? Что, если кто-то из этих писателей и в самом деле сталкивался со странными явлениями – вот как он сейчас?

С мысли его сбили девочки, которые сняли куртки и, отдав их Сергею-младшему, с удвоенной энергией принялись собирать цветы.

– Так дело не пойдет, – сказал Петрович, забирая одежду у подростка, – Сережа, слазай на ту сторону и приволоки сюда какой-нибудь длинный, но сучковатый дрын.

– А зачем? – спросил юноша, впрочем, без пререканий направившись к дыре.

– Увидишь, – загадочно бросил ему вдогонку учитель.

Обратно Сергей появился минут через пять, когда учитель уже начал волноваться. В руках у него был в меру кривоватый сухой ствол молодой елочки, длиной метра три.

– Годится? – спросил Сергей-младший, поднимая вверх свою добычу.

– Вполне! – ответил мужчина, поскольку сучков на ели обычно как блох на собаке – это вам не сосна, – тыкай толстым концом сюда, – он указал Сергею-младшему на один из вентиляционных ходов местных грызунов.

– Итак, – сказал учитель, когда ствол елочки был утвержден в дырке и, углубившись в землю чуть больше чем на метр, уперся во что-то твердое, – поскольку театр начинается с вешалки, то и мы не будем нарушать эту хорошую традицию. Прошу! – он повесил куртки девочек на обломленные сучки, а сверху водрузил свою. Действительно, со стороны это было похоже на вешалку, невесть как возникшую на холме посреди степи.

С вершины холма не только открывался замечательный вид, с него в случае чего было легко заметить любую приближающуюся опасность. А вот ее-то пока не наблюдалось. Сергей Петрович помнил, что возня с вешалкой отвлекла его от одной важной мысли, но вот какой...

Избавившись от куртки и перестав обливаться потом, он начал мыслить более легко и раскованно. Он позвал – и мысль послушно вернулась, подобно преданной виляющей хвостом собаке.

«Мамонты, степь, а точнее, тундростепь, – думал он, – поскольку, несомненно, под небольшим слоем оттаивающего грунта лежит мерзлота. Такое в наших краях было несколько раз, когда приходил и уходил ледник. Мы в прошлом – настолько далеко, что трудно себе и представить. Можно было бы решить, что это наше сильно отдаленное будущее, наступившее после очередного ледникового периода, стершего с лица земли всяческие следы цивилизации. Ведь глобальные оледенения регулярно случались в прошлом, и так же регулярно будут случаться впредь. Но этому утверждению мешают два очевидных факта. Во-первых, один раз вымершие мамонты никак не могли внезапно воскреснуть. А во-вторых, даже ледник и бешеные тыщи лет не способны снова превратить неровную яму на месте Путиловского карьера в сложенный из чуть присыпанного землей известняка холм.

Значит, мы в прошлом, в конце ледникового периода. Но только какого? В конце последнего мамонты вроде уже вымерли, да и тундростепей не наблюдалось. Голоценовое потепление было таким внезапным и таким глобальным, что мерзлота по всей Евразии разом растаяла, превратив эти бескрайние травянистые равнины в жидкую грязь, леса, болота и озера. Вместо двадцати-тридцати сантиметров снега за зиму стало выпадать двести-триста, и эти звери, вдвое превышающие по массе своего дальнего родственника африканского слона, просто вымерли от бескормицы, не умея добыть прошлогодние травы из-под таких огромных сугробов. А вместе с ними вымерли и шерстистые носороги, пещерные львы и медведи, гигантские гиены. То есть все то зверье, которое обитало на этих равнинах и питалось от их щедрот.»

Кстати, отметил Петрович, носорог будет поопаснее любого хищника, ибо имеет пять тонн живого веса, плохое зрение, такой же плохой характер, и живет по принципу «сила есть – ума не надо». К счастью, ничего подобного поблизости не наблюдалось. В противном случае пришлось бы увести отсюда свою команду, невзирая ни на какое сопротивление. Ибо эту зверюгу не остановишь даже из «Сайги» Андрея Викторовича. Тут нужен гранатомет или противотанковое ружье – не меньше.

Осмотревшись по сторонам еще раз, учитель почувствовал, что ему не хочется возвращаться назад. Дело даже не в весне и в голубом небе; дело в том, что ему опостылел царящий по ту сторону барьера – как раньше говорили – «мир наживы и капитала». Этот мир уже отнял у него всякую надежду на лучшее будущее. Но еще худшая участь ждет в нем его юных друзей, так как для хозяев того мира они вообще никто.

Он знал, с какой мукой они возвращались каждую неделю с его дачи в свой постылый интернат, где им приходилось постоянно видеть жирную физиономию Гориллы, и выслушивать ее ханжеские нравоучения. Тяжелее всего было Сергею-младшему, готовому взорваться по любому поводу. Но и у остальных жизнь тоже была не сахар.

Сергей Петрович понимал, что так жить нельзя, но совершенно не видел выхода из создавшегося положения, ибо плетью обуха не перешибешь. Жаловаться и писать письма, даже если эти письма дойдут до лидера нации, занимающего сейчас пост Премьера – это только испортить жизнь себе, и самое главное, детям. И тут он вспомнил, как позапрошлым летом к нему пристала пожилая цыганка. Пришлось «позолотить ручку», уж больно упорная была женщина. Получив мятый «полтинник», цыганка окинула взглядом небогатый прикид своего клиента, и, вздохнув, стала рассматривать его руку. Бог знает, что она там увидела, только, отпрянув как от удара палкой, она испуганно сказала Петровичу: «Запомни, яхонтовый – выход для тебя всегда там же, где и вход!» – сказав это, она развернулась и быстро-быстро, почти бегом, не оглядываясь, помчалась прочь, подметая на ходу асфальт подолом своей длинной юбки.

– Выход там же, где и вход, – повторил Петрович, глядя на серую, покрытую битым льдом поверхность моря.

Раздавшееся внезапно рычание мотора заставило его подпрыгнуть. Валера, дословно выполнивший его поручение, указывал путь Андрею Викторовичу. И они на третьей скорости вкатились в прошлое на УАЗе.

Андрей Викторович, попав из сумерек зимнего леса в яркую степную весну, был ошарашен, озадачен, удивлен и восхищен, о чем он, забыв, что рядом с ним дети, прямо и конкретно, не выходя из кабины, сообщил «граду и миру» на языке «старого солдата, не знающего слов любви». По лицу Сергея-младшего было видно, что он лихорадочно пытается запомнить замысловатую фразу старшего прапорщика, чтобы при случае поразить цветистым экспромтом своих приятелей.

Немного успокоившись и отдышавшись, физкультурник перешел на нормальный русский язык, почти не включающий в себя выражения запредельных эмоций. Оглядевшись вокруг, он сказал Валерию:

– Предупреждать надо, солдат! Так и зайкой недолго остаться.

И, отщелкнув дверцу, спрыгнул на землю нового мира. Следом из кабины появились пояс с охотничьим ножом и патронташем, а также знаменитая «Сайга» Андрея Викторовича. Из задней двери, степенно потягиваясь, вышел Шамиль – взрослый пятилетний кобель карельской лайки. Ткнувшись носом с Майгой, он обнюхал свою старую подругу и, сев на молодую травку, начал чухаться, всем своим видом показывая, что ему наплевать на все эти чудеса, и его лично ничем не удивить.

Мужчина же закинул карабин на плечо и подошел к Сергею Петровичу. Слов не было; эти двое стояли и смотрели на расстилающийся вокруг странный и непривычный мир, не тронутый следами цивилизации.

– Ну, что скажешь? – наконец спросил учитель труда, когда пауза явно затянулась.

– Красота! – ответил старший прапорщик. – Ты как эту штуку нашел?

– Не я нашел, а Майга.

– Понятно, – Андрей Викторович бросил взгляд на пасущихся вдалеке мамонтов. – Если кто узнает, нам с тобой не жить. Мы ведь теперь с тобой ненужные свидетели. Ну, мы-то что, детей жалко. Ты представляешь, какие бешеные бабки будут готовы платить богатые скучающие буратины за то, чтобы устроить сафари на мамонта. Что тут у нас еще – пещерные львы, медведи, саблезубые тигры...

– Тигры в Африке, – вздохнул его коллега, – но в общем, я понял твою мысль.

– Конечно, рано или поздно Темнейший узнает об этом безобразии, пришлет санитаров и подгребет все это под государство, – продолжал рассуждать учитель физкультуры, – но нам с тобой и деткам, к тому времени уже покойным, это будет уже сугубо по барабану. Или у тебя есть еще какие-то предложения?

– Есть, – ответил Петрович, оглянувшись, – скажи честно, Андрей, тебя что-нибудь держит на этом свете?

– В принципе ничего, – хмыкнул тот, – за исключением того, что помирать мне пока рановато.

– А если не помирать? – продолжал настаивать Петрович.

В глазах отставного военного вспыхнуло понимание.

– Так ты имеешь в виду... – он еще раз обвел взглядом окрестности. – Не самая уютная местность для жизни. Я, например не могу жить без деревьев.

– У нас есть корабль, – сказал учитель труда, – если поставить его на колеса, то твой «469-й» сможет дотянуть его до дыры?

– В принципе да, – пожал плечами Андрей Викторович, – в конце, правда, придется заводить якорь и немного поработать лебедочкой. Но ничего невозможного в этом мире нет. Только, насколько я помню, он у тебя, мягко говоря, не совсем готов к плаванию.

– Местное море тоже пока немного не готово. Пока будем достраиваться, как раз до конца сойдет лед и еще немного поднимется вода.

– Да, метров на пять еще должна подняться, – кивнул отставной прапорщик, глядя на очерченную по склону холма линию, обозначающую максимальный уровень воды, потом посмотрел на Сергея Петровича и добавил, – значит, ты это серьезно?! Ну-ну, не ожидал! Но, товарищ Грубин, то речь не мальчика, но мужа, и должен сказать, что я одобряю твои намерения. Узнав тебя в деле, я почти за честь составить тебе компанию.

– Ребята тоже пойдут с нами, – торопливо, как будто ему мог кто-то отказать, негромко пробормотал тот.

– Ну, разумеется, – рассеянно кивнул учитель физкультуры, – спецназ своих не бросает, да и эти ребята обузой не будут, не то что некоторые... – он задумался, – Серега особенно хорош, да и Валера тоже ничего... А Лиза готовит куда вкуснее моей бывшей... Нет, Петрович, мы еще с тобой от них внуковждемся. Только все это надо хорошо обдумать. Поспешные прыжки на плохо натянутый канат совсем не в нашем стиле. Если о чем-то забудем, то вернуться, наверное, будет уже нельзя. Сейчас для нас главное сделать так, чтобы ребята по простоте душевной никому не рассказали об этой дыре. Кто его знает – может, поверят, а может, нет, но все равно – береженого бог бережет.

Сказав это, он заложил два пальца в рот и свистнул, как свистел на своих уроках, подзывая к себе воспитанников.

– Значит, так, молодые люди, – сказал он, когда подростки по привычке подошли и построились в одну шеренгу, – сейчас мы тут немного посоветовались с вашим отцом и учителем, и пришли к выводу, что нам всем, включая вас, необходимо перебраться в этот новый мир.

Звонкие крики разорвали сонную тишину предполуденной весенней степи и подняли в небо целую стаю самых разнокалиберных птиц, до этого скромно умудрявшихся быть незаметными. Визжащая Катя сначала повисла на шее у Сергея-младшего, болтая ногами, потом бросилась целоваться и обниматься с Лизой. Один Валера был обделен женскими ласками, хотя и он, безусловно, был рад.

– Я еще не закончил, – продолжил мужчина, когда восторги немного поутихли, – ритуал приема в действительные члены Клана «Несущих знамя» мы проведем несколько позже. А пока у вас начался кандидатский стаж. Вы не должны никому рассказывать о том, что видели сегодня, а также о наших планах. Кто проболтается, тот «редиска» и «фуфло», и недостойно отправиться с нами в путешествие, – он обвел присутствующих строгим взглядом. – Все ясно? Вольно, разойдись. У вас еще полчаса на красоты природы, после чего собираемся и едем домой. За неделю мы с Сергеем Петровичем составим план и в следующее воскресенье обсудим его на Совете Клана.

Катя вдруг покраснела, и как школьница на уроке, подняла руку:

– Сергей Петрович, – тихо сказала она, – а Антона с Вероникой взять можно? Они уже совсем-совсем большие, и не будут мешать.

– И мою Маринку, – торопливо добавил Валера, просительно глядя своему Учителю в глаза, – кроме нее, у меня никого нет. Не оставлять же ее Горилле.

Сергей Петрович вздохнул и переглянулся с коллегой. Тот кивнул и учитель сказал:

– Конечно, мы возьмем с собой ваших братьев и сестер. Но только учтите, что это будет не легкая веселая прогулка, а тяжелый, полный опасностей, поход. Если мы сделаем какую-нибудь серьезную ошибку, то можем погибнуть, и никто об этом не узнает.

– Ну и пусть! – упрямо сказала Катя. – Лучше так, чем по-старому!

5 декабря 2010 года. Воскресенье. 20:35. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

После того как подростки были отвезены в интернат, Сергей Петрович наскоро поужинал и поднялся к себе в мансарду. В первую очередь было необходимо разобраться в том, в какое именно время ведет найденная ими дыра во времени. Было важно знать, с кем они там могут встретиться и на что рассчитывать.

Включив ноутбук и выйдя в интернет, он почти тут же выяснил, что по сочетанию времени вымирания мамонтов и позиции края ледника в ста километрах к северу от града Петра, искомый им период находится не позднее тридцати тысяч лет назад. Сергей Петрович взял лист бумаги и составил немудреную схему. Время от тридцати до пятидесяти тысяч лет назад проходило у него как «первая категория». В это время люди современного типа постепенно сменяли в Европе неандертальцев, и при желании можно было встретить и тех, и других.

Два небольших отрезка примерно сто десять и сто тридцать тысяч лет назад числились «второй категорией». Тогда Европу населяли неандертальцы, а за людьми современного типа надо было отправиться в Египет и на Ближний Восток. Ну, и «третьей категорией» у него считался предположительный интервал между ста семьдесятю и двумя сотнями тысячами лет назад. Тогда, по данным современной науки, неандертальцы в Европе уже были, и даже переживали свой первый расцвет. А вот за мелкими группками людей современного типа пришлось бы лезть в самую сердцевину Африки, без всяких шансов найти кого-либо из них. О том, что находилось ранее, и так достаточно смутного интервала «третьей категории», Сергей Петрович не хотел и думать. Ибо в те времена не было и неандертальцев, а то, что было, к роду Хомо относилось весьма условно. И браться за колонизацию того временного интервала можно было бы, лишь имея под рукой тысячу, а то и более, добровольцев.

Все дело было в том, что для основания приличного общества шести и даже девяти человек явно недостаточно. Для того, чтобы практиковать выплавку железа из болотной руды, их клан должен состоять минимум из сотни человек. Для производства стекла и цемента, обжига кирпича и черепицы, строительства кораблей их должно быть уже больше тысячи. Тот задел, который они привезут с собой из будущего, позволит на одном месте одеть, обусть и накормить невиданную по меркам древнего каменного века кучу народу. Но люди не берутся ниоткуда. А сие означает, что ради будущего своих детей придется прогрессорствовать, подмяная под себя местных. Лишь бы было с кем работать.

На отдельном листе бумаги Петрович выписал ключевые технологические достижения, начиная с приручения животных – собак, лошадей, коров и овец. Подумал – и дописал кошек. Без них местные грызуны очень быстро найдут путь к закромам клана. А это не только потеря от трети до половины запасов, но еще и загрязнение их пометом, и болезни, начиная от желтухи и кончая чумой. Кстати, в Западной Европе кошка появилась уже в позднем средневековье, и тут же как отрезало терзавшие эту часть света эпидемии чумы. Так что, поскольку ближайшие дикие кошки будут только в Африке, то серые и рыжие полосатые охотники должны быть с ними обязательно.

Из промышленных технологий в первую очередь необходимо осваивать сыродутную выделку железа, а так же меди, олова и свинца. Металлы – это возможность вырваться из царства необходимости в царство свободы. Это оружие, инструменты, орудия труда – короче, цивилизация. Но главным металлом – можно сказать, их царем – станет именно железо.

Мужчина понимал, что мечты о порохе, особенно бездымном, являются утопией. Но все же, все же... Сера в природе не редкость, селитру можно произвести в селитряных ямах из отходов человеческой и животной жизнедеятельности, древесный уголь тоже не проблема, он в больших количествах будет нужен для металлургии. Поэтому-то им и не подходят безлесные просторы степей. Надо выбираться поближе к атлантическому югу, где леса наверняка есть. А пока основным метательным оружием дальнего действия станут луки и арбалеты; Сергей Петрович знал технологию изготовления наборных, монгольского типа луков, из рогов антилопы и дерева. Еще до похода надо будет сделать по одной штуке старшим мальчикам и девочкам.

Им с Андреем Викторовичем дополнительное оружие тоже не помешает, ибо сколько патронов можно взять с собой к той «Сайге» – сто, двести, пятьсот, тысячу? А мамонта, фигурально говоря, каждый день убивать надо. Да и двуногие соседи могут оказаться до крайности невоспитанными.

Но и оружие – это тоже не главное. Сказать честно, у них с коллегой просто не хватает знаний. Товарищ бывший старший прапорщик – отличный командир и организатор, он обещает в клане дисциплину и порядок, а также организует охоту. Сам Сергей Петрович знает, как построить корабль, дом, баню, сложить печь, вспахать огород. Но никто из них двоих не в состоянии предпринять ничего осмысленного, если Лиза или Катя начнут рожать, если кто-то будет ранен или дети заболеют обыкновенным гриппом или ветрянкой. Короче, им нужен врач, и врач не домашний, а походно-полевой, с опытом народной медицины. Он должен знать не только ту аптеку, которая находится за углом, но и ту, которая произрастает в природе. Кроме того, он понимал, что его познания в металлургии, а самое главное, в геологии, оставляют желать лучшего. Из этого следует, что им нужен геолог-металлург, который разбирается не только в рудах и минералах, но и в том, что с ними делать дальше. А самое главное, это должны быть люди, так же, как они, готовые делиться своими знаниями с детьми, вместе с ними безоглядно шагнуть в прошлое и не жалеть об оставленной в их времени цивилизации.

Но прежде чем строить остальные планы, надо разобраться в двух вещах. Во-первых, насколько глубоко в прошлое ведет дыра. И во-вторых, какой там сейчас, грубо говоря, месяц года. Только теперь ему в голову пришла мысль, что тот факт, что они в данный момент наблюдают раннюю весну, может совсем ничего не означать. На Земле и сейчас есть такие места, где лето может быть очень коротким. Он не обратил раньше на это внимания. Но на самом деле это очень важно. Ведь жизненно необходимо знать, сколько у них будет времени до наступления зимы, чтобы успеть добраться в края с более благоприятным климатом.

Немного поразмыслив, учитель труда решил, что в ситуации, когда нельзя рассчитывать на покупку местных газет, обе этих задачи могут быть решены астрономическим способом. Вторая – самая простая. Необходимо только измерить высоту над горизонтом солнца, проходящего через истинный юг. Или, в случае отсутствия под рукой компаса, надо определить максимальный угол подъема солнца над горизонтом. Точка, в которой это случится, и будет истинным югом. Задача по определению глубины погружения в прошлое выглядела куда более сложной, и решалась она куда более приблизительно. Но тут большая точность особо и не требовалась. Достаточно было определить «катеорию» временного интервала.

Методов было два. Во-первых, прецессия равноденствий – то есть круг, который описывает северный полюс Земли вокруг Северного полюса Солнечной системы с циклом примерно в 25.800 лет. Но этот метод имеет тот недостаток, что надо хотя бы примерно знать, сколько таких циклов уже прошло. То, что как минимум один – точно, поскольку 25.800 лет назад на месте Ленинграда (Санкт-Петербурга) лежал ледник толщиной в пару километров. В качестве часов, рассчитанных на более длинное время, могло послужить созвездие Большой Медведицы, а точнее, ее окорок с хвостом, иначе называемый Большим Ковшом. Дело в том, что крайние звезды, изображающие кончик ручки и носик ковша, движутся по небу совсем не в ту сторону, куда остальные, отчего со временем форма ковша должна довольно прикольно меняться.

Носик со временем должен укоротиться, через пятьдесят тысячелетий став совершенно прямым, а ручка удлинится примерно вдвое. При откате в прошлое все должно проходить прямо в обратном порядке – носик удлиняться, а ручка укорачиваться. Причем процессы на небе протекают обычно настолько медленно, что неизменный на взгляд ковш будет означать время по «Первой категории», а его неузнавание на небе скажет о том, что сунуться в то время можно только очень большой компанией. Во всех остальных случаях, как говорится, «надо считать».

Дело оставалось за малым – провести необходимые измерения. Для этого требовалась небольшая астрономическая обсерватория, или как минимум снаряжение средневекового штурмана. Ни того, ни другого у Петровича не имелось. Зато был Андрей Викторович, который абсолютно не разбирался в астрономии, но имел у себя привезенный с «пятидневной охоты на грузин» замечательный трофейный прибор, изготовленный шведской фирмой «Эрикссон». Прибор артиллерийской разведки (сокращенно ПАР) объединял в себе свойства двенадцатикратного бинокля с ночной подсветкой, теодолита, гирокомпаса и лазерного дальномера.

Старший прапорщик рассказывал, как на второй день «охоты» в окрестностях Цхинвала их группа в упор нарвалась на грузинскую минометную батарею, которая вела беглый огонь по расположенной в котловине столице Южной Осетии. Чуть в сторонке от огневых позиций находился батарейный НП, с которого какой-то Гиви или Гоги, приплясывая вокруг этого самого ПАРа, и руководил обстрелом города. Внезапно все грузинские минометчики скорострительно скончались от огневого удара в спину. Пленных не брали. В конце концов, это был уже второй день войны, и рейдирующая по грузинским тылам российская разведгруппа успела насмотреться на художества грузинских «цивилизаторов» в осетинских селах. Вот там-то, на батарейном НП, люди Андрея Викторовича и прихватили этот самый ПАР, который очень помог им в оставшиеся три дня «охоты». А потом, когда по приказу тогдашнего министра «Табуреткина» Андрея Викторовича «ушли» на пенсию по предельному возрасту, благодарный коллектив вручил ветерану нигде не числящийся трофей в качестве ценного подарка. Такая вот история.

Спустившись вниз, Петрович нашел бывшего старшего прапорщика в так называемой гостиной – то есть большой комнате на первом этаже с камином и телевизором. Его товарищ почти не смотрел на очередные похождения уже изрядно поднадоевших «Ментов», а скорее медитировал, глядя на пляшущие в очаге языки пламени. Выслушав сбивчивые объяснения друга, он кивнул головой и коротко сказал:

– Ехали!

Вот ведь неинтеллигентный человек – ни разговоров на два часа вокруг да около, ни слюней насчет потраченного бензина – ничего. Вместо этого на свет божий появились: тот самый ПАР в футляре, тренога, сумка с батареями, и два мощных аккумуляторных фонаря. Венчала грудку снаряжения все та же «Сайга». Но в первую очередь Андрей Викторович, накинув полушубок, вышел во двор и запустил двигатель УАЗика. Когда двигатель прогрелся, снаряжение было аккуратно уложено на заднее сиденье машины, и она, тихо урча, выехала из ворот дачи.

Вырулив из поселка, они свернули не на интересующую их просеку, а поехали в сторону трассы «Кола». На вопрос коллеги бывший старший прапорщик ответил, что «Пучеглазый» (поселковый сторож) уж больно подозрительно смотрел на него днем, когда они ездили в ту сторону с Валеркой. Так что нефиг наводить дурака на шальные мысли. Лучше объехать вокруг через трассу и спокойно заехать к нужному месту с обратной стороны. Как говорится, для бешеной коровы семь верст – не крюк.

На просеке, напротив нужного места, Андрей Викторович погасил фары и еще некоторое время всматривался во тьму перед собой. Никого. Потом переключившись на ближний свет, аккуратно свернул по старым следам, и еще через минуту они были на месте.

Ночь. Времена ледников и мамонтов.

Если в двадцать первом веке небо казалось низким серым потолком, придавившим землю, то тут оно разверзлось бездонной черной пропастью, заполненной мириадами светящихся огоньков. Кстати, воткнутая ими днем «вешалка» все так же горделиво торчала посреди холма, как бы подчеркивая реальность всего происходящего. Приледниковый стационарный антициклон вытягивал из тундростепи лишнюю влагу, и одновременно создавал, пожалуй, наилучшие условия для астрономических наблюдений.

Андрей Викторович покрутил головой, любуясь этой красотой, потом, не торопясь, вытащил из машины треногу и установил ее. Коллега при этом подсвечивал ему фонарем. С ее настройкой пришлось повозиться, но вскоре пузырьки в уровнях сказали, что плоскость основания, на которое будет установлен прибор, строго перпендикулярна направлению к центру Земли. После этого сам ПАР был извлечен из футляра и торжественно водружен на треногу. Учитель физкультуры священнодействовал. Запустив гирокомпас, он сориентировал платформу на истинный север. Потом, отключив гирокомпас, поднял ось зрения прибора на пятьдесят девять с половиной градусов вверх, и сделал товарищу приглашающий жест: «Прощу!»

В окулярах прибора ближайшей яркой звездой к центру поля зрения оказалось созвездие Лиры, а точнее, самая яркая звезда этого созвездия Вега. Вега в качестве полярной звезды – это ровно полцикла прецессии относительно нынешнего положение полюса на небе, то есть двенадцать с половиной тысяч лет. Он достал свою распечатанную схему, на которой были отмечены изменения климата в окрестностях Петербурга за последние полмиллиона лет. Теперь уже священнодействовал Петрович, а второй мужчина светил ему фонарем.

Двенадцать с половиной тысяч лет назад они находиться не могут, в те времена тут был ледник. Тридцать восемь тысяч лет вполне подходили – и с точки зрения астрономии, и по ожидаемому климату. Но учитель труда решил проверить и другие варианты... Шестидесят четыре и девяносто тысяч лет назад – это конец и начало ранневалдайского оледенения. Полтора километра льда как минимум. Сто пятнадцать тысяч лет назад, в микулинское межледниковье, климат был, может, и чуть холоднее современного, но никакого оледенения не наблюдалось, и вместо степей в этих краях находилась тайга или лесотундра. Кроме того, даже беглый взгляд на небо, в сторону Ковша Большой Медведицы, сказал ему, что искажения его контура слишком незначительны для давности в сто тысяч лет. Позиции основных звезд поменялись мало, так что хвост таблицы можно и не проверять.

– Итак! – сказал он вслух, потерев лоб. – Андрей Викторович, мы вас поздравляем. Мы за тридцать восемь тысяч лет до нашего времени. Ну, накинем плюс-минус тысячелетие на ошибку. Квартира первый сорт – соседи должны быть более-менее приличными. Есть шанс встретить как людей нашего вида, так и еще не вымерших неандертальцев. Встретимся, поговорим. Глобальных катастроф в ближайшее время не ожидается. Взрыв вулкана Тоба, рядом с которым Кракатау – это только учебная петарда, случился за тридцать шесть тысяч лет до этого момента, а ингимбритовое извержение в Испании, погубившее половину Евразии, произойдет только через тринадцать тысяч лет. Короче, жить можно.

Отставной военный погасил фонарь и огляделся по сторонам, – Ни огонька, – сказал он, – Где же они, эти твои местные?

– Места тут для зимовки малоприспособные. Если я правильно все понимаю, их охотничьи группы появятся тут только в разгар лета. А могут и вообще не появиться, если в их краях будет достаточно дичи.

– Хорошо, – сказал старший прапорщик, – поехали домой, надо все еще раз хорошо обдумать!

6 декабря 2010 года. Понедельник. 00:55. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

– Итак, – сказал Андрей Викторович, разливая по чашкам крепкий до кофейного прикуса черный чай, – с чего начнем?

– Начнем, как положено, с начала, – ответил его коллега, прихлебывая из чашки. – Нужно определиться, что мы хотим получить, и что мы имеем. Я сейчас попробую изложить свое видение. Во-первых, чего мы хотим: спокойно дожить жизнь посреди нетронутой природы или сделать так, чтобы потом, перед концом, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы? Кто для нас Катя, Лиза, Сергей и Валера – живые игрушки или люди, которых мы любим

и которым мы хотим дать будущее? Кто для нас те еще неведомые нам предки – объекты для примучивания и угнетения, или люди, равные нам, а может, и в чем-то превосходящие нас? Ведь, даже не выходя из Каменного века, они сумели заселить всю планету.

– Понятно, – побарабанил пальцами по столу учитель физкультуры, – второй вариант мне как-то ближе. Все-таки я в армию пошел пятнадцать лет назад, а не в бандиты.

– В этом-то вся и суть, товарищ старший прапорщик, – кивнул трудовик, – я тоже пошел в школу детей учить, а не турецкими куртками фарцевать. Значит, уютному маленькому домику мы предпочтем весь мир.

– Немного отдаст манией величия, – заметил Андрей Викторович, – но мне нравится. Изложите ваш план поподробнее, товарищ Учитель. Как там говорил, этот, как его, Архимед, – дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир.

– Сейчас, – коротко сказал Сергей Петрович, доставая из книжного шкафа большую карту Европы.

Александр Викторович поспешно убрал в сторону чашки, и карта легла на стол.

– Вот, смотри, мы здесь, в Питере. При выборе места для постоянного поселения надо учитывать несколько факторов, одним из которых является наличие поблизости лесов.

– Это понятно, – кивнул отставной военный, – стройматериалы, топливо и все прочее...

– Вот именно, что все прочее, – ответил Петрович, – единственный вид индустриального топлива, который будет доступен нам очень длительное время – это древесный уголь. А для его производства требуется много древесины. Так вот, ближайшие леса находятся где-то по линии Волгоград – Одесса – долина Дуная – Северная Италия – Франция южнее Луары. Плюс-минус сто километров. У нас есть два пути – или по суше к Черному морю, или по воде в обход Европы в Южную Францию. Можно было бы и дальше, но не вижу смысла. Причем, в любом случае, если зима застанет нас в пути, это будет полная задница.

Учитель физкультуры померил по карте расстояние от Петербурга до Одессы, потом кивнул каким-то своим мыслям. Тысяча семьсот километров по пересеченной местности, без дорог, с подростками, которые, если сказать честно, еще дети, плюс трое просто детей. И это с тем грузом, который можно унести в рюкзаке.

– Не, на такой вариант я пошел бы только если бы прямо сейчас за мной гнались с собаками. Сколько возможно, проехать на машине, а потом ножками, ножками, ножками. Но никакой новой цивилизации у тебя в таком случае не получится, банальная робинзонада. Вариант с твоим корабликом в таком случае выглядит куда предпочтительнее. Сколько тонн он сможет поднять?

Сергей Петрович начал загибать пальцы:

– Полное водоизмещение при осадке в один метр восемнадцать тонн. Корпус у нас с тобой вышел в четыре с половиной тонны, на мачты и оснастку отведем еще тонну, ну, максимум, полторы. Итого, если не будем делать вторую, внешнюю обшивку, то остается двенадцать тонн на груз вместе с балластом.

– А если будем? – спросил коллега. – И вообще, эта вторая обшивка нужна? Ты извини, что я вмешиваюсь, только ведь мы, хе-хе, будем, так сказать, в одной лодке.

– Да нет, ничего, – отмахнулся Петрович, – в принципе все правильно. Вторая обшивка желательна, она сильно снижает сопротивление движению. Кроме того, в случае ее повреждения внутренний корпус останется целым. У наших предков коч из лиственницы служил лет по тридцать, внешнюю обшивку из полудюймовой сосновой доски меняли раз в три года. Если делать обтяжку сосновой доской, то это где-то около полутонны веса. Если пятью миллиметрами стеклопластика, то от ста пятидесяти до двухсот килограмм... Кроме того, учти внутреннюю отделку, хотя бы той же вагонкой...

– Ладно, будем рассчитывать на стеклопластик, но в уме держать тонну веса. Итого – одиннадцать тонн полезной нагрузки.

– Еще тонна – пассажиры, так сказать, живым весом, – добавил учитель труда, – итого, груз вместе с балластом – где-то десять тонн.

– Э-э-э, подожди, – задумался Андрей Викторович, – двое взрослых, четверо подростков и трое детей – дальше семи сотен кило моя фантазия не пляшет.

Петрович замялся:

– Я тебе еще не сказал – есть две специальности, в которых мы с тобою почти полные дубы. Для того, чтобы наш проект удался, нам еще нужны два хороших специалиста: врач и геолог. Так что в одну тонну веса входят четверо взрослых, четверо подростков, трое детей и хороший ефрейторский зазор.

– Уел! – сказал отставной прапорщик, – о медицине я и не подумал. Вообще-то городскому врачу я бы предпочел хорошего сельского или армейского фельдшера с опытом работы в условиях, близких к пещерным. Есть у меня на примете одна персона, наведу справки – сообщу. А вот насчет геолога – извини, пусто.

– Ладно, если что, будем разбираться по книгам, базовые технологии – они не такие сложные. Но специалист в команде – это все же лучше, чем просто книжки.

– Это понятно... Может, что и срастется. Итак, у нас осталось десять тонн...

– Из них еще примерно три тонны на балласт, – добавил Сергей Петрович. – Обычно в качестве балласта используют крупные камни, скрепленные цементом.

– А мы можем использовать необычный балласт? – спросил коллега. – А то это извращение – везти камни в каменный век. Есть же много прекрасных тяжелых вещей, которые можно уложить на самое дно и использовать в качестве балласта. Металлический прут, арматура, лист, слитки свинца или олова, наконец.

– Балласт не только должен быть тяжелым, – заметил учитель труда, – он еще должен быть правильно распределен, и закреплен на своем месте абсолютно надежно и абсолютно неподвижно. Хотя с листовым металлом и прутком, наверное, есть варианты. Надо думать.

– Хорошо. Семь тонн груза, не считая балласта, который тоже груз. Что с собой брать, мы обсудим после. Куда мы плывем и что там будем делать.

– Идем, а не плывем, – поправил Сергей Петрович, – моряки говорят, что они ходят, а плавают дерьмо.

– Слышал, – усмехнулся Андрей Викторович, – просто само вырвалось. Итак, куда мы идем?

В ответ его коллега обвел карандашом небольшой кружок на карте, в центре которого оказался французский город Бордо:

– Примерно сюда. Или, если климат в районе нынешнего Бордо покажется нам слишком жестким, спустимся еще южнее, вот сюда, – и он ткнул в точку с надписью «Байонна».

– Интересно, товарищ Грубин, – хмыкнул отставной прапорщик и потянулся за чашкой чая, – а как же ваш патриотизм?

– Если ты помнишь, патриотичный пеший поход к Черному морю мы с тобой уже отвергли. Ради голого, ничего не обозначающего патриотизма, огибать с юга всю Европу я не собираюсь, – он тоже отхлебнул чаю, – в конце концов, на той стороне этой дыры Россия будет там, где будем мы. Других русских там не будет.

– Интересная мысль, – благодушно отметил учитель физкультуры, – но давай, Петрович, говори дальше. А то я всегда мечтал побывать во Франции... На танке. Напомнить мусьям Бородино и пожар Москвы, год четырнадцатый и год восемнадцатый. Но не вышло, а тут вон оно как...

– Мусьев там еще нет, – развел руками Сергей Петрович, – пока эта территория впере-мешку заселена людьми современного вида и уже вполне европейского облика, и пока еще здравствующими неандертальцами. Что интересно, и те и другие вели одинаковый образ жизни и практиковали одинаковые технологии. Сложно сказать, насколько тесными были межвидо-

вые контакты, но у некоторых ученых есть основания полагать, что неандертальцы не были истреблены и не вымерли сами, а просто без остатка растворились среди людей современного типа.

Андрей Викторович задумался.

– Значит, – сказал он после нескольких минут тишины, – ты хочешь на своем коче, под парусом, обойти вокруг Европу и поселиться на юге Франции. Вообще, хорошая идея. Только опять же надо все хорошо продумать.

– Слушай, Викторович, у тебя хохлов в родне не было? А то что-то часто ты задумываться начал.

– Как не было, – отмахнулся тот, – мама моя, царствие ей небесное, з пид Полтавщины была. То есть я хохол и есть, минимум наполовину. А мы с тобой не на рыбалку едем, лещей таскать, а уходим в рейд без обратного маршрута. То, что мы сегодня не додумаем, завтра и нас, и тех, кто с нами, и убить может.

– Понятно, – кивнул Петрович, – слушаю тебя.

Тот провел рукой по воображаемым усам:

– Сначала разобьем всю нашу будущую деятельность на несколько этапов. Ибо сказал мудрый, что любого мамонта можно съесть, только разрезав его на маленькие кусочки. В-первых, необходимо определить наше будущее ПМЖ и будущий род деятельности. Поскольку ничего против южной Франции я не имею, то давай теперь решим, чем именно мы там займемся.

Петрович замялся.

– У меня есть только одна мысль. Только цивилизовав местных, подняв их хотя бы на уровень Железного века, мы сможем обеспечить достойное будущее нашим детям и их потомкам.

– Цивилизовать тоже по-разному можно, – отхлебнув чая, сказал бывший военный; этот разговор, несмотря на позднее время, начинал ему нравиться, – англичане австралийских аборигенов вон тоже цивилизовать пытались, так только зря все. А тасманийцев так и вообще до смерти зацивилизовали.

– Англичане аборигенов не цивилизовали, а дрессировали, – ответил учитель труда, – счастье коренных австралийцев, что они отошли на земли, которые, с точки зрения белых, были бросовыми. А то дело не дошло бы даже до дрессировки, есть прецеденты в той же Тасмании. У нас с тобой, надеюсь, совсем другие понятия.

– Да уж, другие, – вздохнул коллега. – Надеюсь, ты не собираешься разбрасывать по сторонам огонь, подобно поджигателю Прометею?

– Я, вместе с тобой и нашими мальчиками, собирался основать клан, в который при соблюдении определенных условий могли бы вступать и местные. Те, кто будет работать вместе с нами, и жить тоже должен как мы. Тогда еще не умели платить презлым за предобреее, так что, думаю, у нас все получится.

– Не знаю, не знаю... – пробормотал Андрей Викторович, и уже громче добавил, – но мне понятно одно – или мы вместе с местными поднимаем цивилизацию, или опять же вместе с ними погружаемся все в тот же Каменный век. Варианта, при котором они в Каменном веке, а мы, все в белом, ездим по стойбищам и отбираем последнее, я не вижу. Лично мы с тобой не такие люди, да и Валерка с Сережкой ничем не хуже нас. Однозначно! – немного помолчав, он добавил: – Ну что же, примем это как рабочую гипотезу и перейдем к следующему номеру нашей программы, называемому Непосредственное Планирование и Подготовка. Кстати, сколько там всего может быть местных?

Сергей Петрович посмотрел на карту, что-то померил циркулем, посчитал на калькуляторе и сказал:

– В условном квадрате, ограниченном берегом Атлантики, рекой Луарой, Альпами, Средиземным морем и Пиренеями, может проживать от пяти до десяти тысяч людей нашего вида, и вдесятеро меньше неандертальцев. В тундростепях севернее Луары тоже должно быть население из людей нашего вида и неандертальцев. Только я думаю, что оно еще более редкое и менее, если так можно сказать, технически развитое. Если мы перед тем, как основать свое поселение, немного поднимемся вверх по течению Гаронны, то окажемся в непосредственном контакте примерно с шестью стойбищами местных, а это от семисот до девятисот человек.

– Какое у них оружие?

– У неандертальцев копьё ударного типа, скорее всего без наконечника, с обожженным на огне острием. Люди нашего типа вооружены лучше, их копьё ударно-метательное, с наконечниками из камня или кости. Кроме того, они, скорее всего, уже изобрели пращу... Просто ремни из кожи не пережили все эти тысячелетия, в отличие от камня, и отчасти кости и дерева. То же самое можно сказать о силках на мелкую живность и плетеных вершах для ловли рыбы. На этом все. Копьеметалки с дротиками, луки, прирученные собаки и лошади, рыболовные крючки, сети, и прочий хайтек – в далеком будущем. Могу сказать одно – после изобретения рыболовного крючка из кости плотность населения в окрестностях рек и озер увеличилась десятикратно. Но до этого еще почти десять тысяч лет.

Андрей Викторович ненадолго задумался, потом сказал:

– Значит, так! Получается, что даже без учета огнестрельного оружия, которое мы, конечно, будем использовать на начальном этапе, один наш охотник на лошади, с собаками, вооруженный луком или арбалетом, будет равен целой охотничьей группе местных.

– Непуганое зверье и стальные наконечники, – добавил Петрович, – а зимой вместо лошади – охотничьи лыжи. На это и расчет. Главное – действовать аккуратно и только лаской, и тогда ты не успеешь оглянуться, как к тебе потянутся люди.

– Это мы понимаем, – кивнул учитель физкультуры, – не маленькие. Теперь давай обсудим, что мы должны с собой взять, чтобы воплотить в жизнь все эти грандиозные планы. Только давай договоримся, что мы не будем фанатиками слияния с природой, и при переходе из Петербурга в район Бордо, а также в первые два-три года проживания на новом месте, будем достаточно активно пользоваться оружием и инструментами, захваченными с собой из XXI века...

– Сейчас! – Петрович встал, и по лестнице поднялся к себе в мансарду.

Минут пять было слышно, как он двигает мебель, потом наступила тишина. Андрей Викторович свернул и убрал в сторону уже ненужную карту, и на стол лег длинный, замотанный в промасленную ветошь предмет.

– Ух, ты, какая красotka! – только и смог сказать отставной военный, когда ветошь была размотана, и на свет божий появилась винтовка Мосина, образца 1891/1930 года в снайперском исполнении. Имелся и оптический прицел, упакованный в отдельный кожаный футляр. Привычным движением Андрей Викторович открыл затвор и глянул в ствол.

– Новье, – одобритительно пробормотал он, – почти не стреляная... – и тут же спросил: – Копатели?

– Дед... когда дачу строил. Наткнулся на заваленный блиндаж. Похоже, что завалило при бомбежке. Столько пролежала, а как вчера с завода. Он с такой же прошел от Сталинграда до Вены.

Товарищ старший прапорщик вздохнул:

– Хорошая вещь! Теперь у нас есть твоя «мосинка» и моя «Сайга». Но, как мне кажется, нам надо удвоить наш арсенал. Я попрошаю у ребят, может, что еще и подвернется. Хотелось бы еще одну «мосинку» до пары, а вторую «Сайгу» мы оформим на тебя официально. Ты же у нас не криминальный авторитет. Патронов надо тыщ по пять на ствол, и капсюлей для «Сайги».

– Я вот что думаю, – сказал учитель труда, – первое, что нам надо будет сделать на новом месте, так это построить для себя дом. И если не впадать в дикость, отесывая бревно до доски, то нам понадобится дисковая пила. На первое время сгодится и моя. Хотелось бы взять небольшую многоленточную пилораму, но она весит слишком много. И откуда для работы всего этого ТАМ брать электричество? На солнечных панелях разориться можно.

– Бери только то, что нельзя изготовить на месте, – посоветовал Андрей Викторович, – полотно, механизм, электродвигатель. А вопрос электричества можно решить путем установки генератора киловатт так на двадцать-тридцать, – он вздохнул, – мой УАЗик ТАМ мне уже будет совершенно не нужен. Так что думаю, что его движок, коробку и сцепление я совершенно спокойно могу пожертвовать на общее дело. И кстати, он неплохо подойдет нашему миникрейсеру в качестве судового двигателя.

– Бензин-то где брать будем? – с интересом спросил Сергей Петрович, вдохновленный столь щедрым и неожиданным предложением. – Заправок по пути не предвидится.

– Завтра же позвоню одному знакомому, закажу переделку движка на газогенераторный вариант. Потом, в конце недели, утром отгону в сервис, вечером заберу готовый. И будем ездить на дровах. Видел, сколько сухого плавника ТАМ было выброшено на берег? Без топлива не останемся. В пути судового двигателя, на месте электростанция. И все это без капли бензина. Мощность, конечно, упадет, но нам и пятидесяти лошадей на все про все хватит за глаза.

Петрович ошарашено сначала посмотрел на своего приятеля, а потом кивнул; видимо, о такой роскоши, как судового двигателя и электричества на новом месте, он не мог и мечтать. Максимумом, на который он рассчитывал, были солнечные батареи и роторная гидростанция.

Неожиданно Андрей Викторович спросил:

– Кстати, Петрович, помнишь наш разговор про балласт?

– Помню. И что?

– А то, что лучшим балластом для нас будет полумиллиметровое кровельное железо – оно и в трюм укладывается легко, и по жизни нам будет крайне нужно. Три тонны веса – это порядка семьсот квадратов такого железа. Дом без кровли – это не дом. В первый год нам просто некогда будет изобретать что-то из местных материалов...

– Две тонны на железо, – поправил коллегу Петрович, – можно будет взять гофр, толщиной 0,35. Еще восемьсот кило на цемент для фундамента, и двести на оконное стекло. Без них на стройке тоже никак, и масса у них для балласта подходящая. Вопрос только в том, чтобы все это как следует закрепить.

– Закрепим, – кивнул тот, – цемент и ящики со стеклом пойдут в самый низ. Не беда, если стекло придется перепаковать, чтобы слой вышел однородным. Выше их положим стопки железных листов, которые придавим поперечными слегами и распорками к этим, как его, бимсам. Кстати, если между распорками оставить проход метра в полтора, то получится заготовка стеллажей для остального груза.

– Ладно, – сказал учитель труда, вставая из-за стола, – поздно уже. Я завтра, после работы, прикину варианты с укладкой балласта и грузов, а также с установкой рамы для твоего двигателя.

6 декабря 2010 года. Понедельник. 15:35. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

Вернувшись с работы, товарищи наскоро пообедали, после чего Сергей Петрович пошел в гараж и забрался в трюм своего кораблика, чтобы прикинуть расположение балласта и груза, а его коллега взял Сайгу, кликнул Шамиля и поехал в к «дыре» – подстрелить на ужин чего-нибудь вкусненького. Особых деликатесов не ожидалось; звери после зимы бывают еще весьма истощенными, хотя в стаде пасущихся неподалеку от «дыры» то ли бизонов, то ли зубров вполне можно было добыть молочного теленка. Кажется, в степях все-таки зубры?

Но уже через час встревоженный Андрей Викторович вернулся домой. К тому времени Петрович уже сделал все замеры и выбрался из трюма коча, чтобы набросать схему размещения балласта и груза. Поставив в холодильник пакеты с еще теплым парным мясом, он пошел искать Сергея Петровича, и лоб в лоб столкнулся с ним в дверях комнаты с камином.

– Петрович, у нас проблемы! – с порога без предисловий заявил Андрей Викторович. – Твоя дыра ползет.

– Куда ползет?

– В ж... , то есть, к просеке, – ответил бывший старший прапорщик. – Если не веришь, посмотри сам. Со вчерашнего дня сдвинулась сантиметров на тридцать. Теперь понятно, почему раньше там никто никуда не проваливался.

– Пришла со стороны Ладоги и через какое-то время уйдет в возвышенность... – слегка нахмурившись, задумчиво проговорил учитель труда. – Наверное, это значит, что наши планы летят в задницу?

– Ну почему сразу в задницу? – поспешно ответил коллега. – Просто план не спеша собратся и забрать всех детей, якобы на Новый Год, конечно, накрылся, но, я думаю, в общем он остается вполне выполнимым. Примерно через неделю эта твоя дыра выползет прямо на просеку, а еще дней через десять-двенадцать уйдет в возвышенность. Мы с тобой мужики умелые, пробивные и деятельные, сокращение сроков нам нипочем. Думаю назначить экстренную эвакуацию на следующее воскресенье – двенадцатое декабря. Народу в интернате почти не будет, Горилла, как всегда, укатит в Питер. Надо будет глянуть, кто тогда будет дежурить, но в любом случае, поверь, я оттуда батальон выведу, а не только наших семерых. Тем более что старшие имеют вполне законное разрешение выходить за ограду под нашим с тобой педагогическим контролем.

– Да, наверное, это будет самое то, – вздохнул Петрович, – в данной ситуации это единственный выход. Остается финансовый вопрос. До Нового Года я планировал успеть продать, как минимум, свою трехкомнатную квартиру в центре, и на эти деньги как следует снарядиться. За неделю нормального покупателя не найти и сделку не оформить. Я-то думал, что вопрос у нас только в весе груза, а он еще и в деньгах...

– Не парься, – сказал товарищ, – считай, что мы перешли на осадное положение, так что подключаем тяжелую артиллерию. Квартиру можно заложить в банке; это, конечно не так выгодно, как продавать, зато быстро и никакого переоформления документов. Они, кстати, у тебя в порядке?

Трудовик еще раз вздохнул:

– Да, мама-покойница аккуратистка была и боевая, не то что я. Дарственную она на меня оформила еще при своей жизни, четыре года назад. Царствие ей Небесное. А как все дела закончила, так через месяц и тихо преставилась. Я тогда уже постоянно на даче жил, в город к маме ездил на выходные. Соседи на работу звонят и сообщают – скончалась, мол, Анастасия Дмитриевна... Э, да ладно...

– Тогда так, – кивнул Андрей Викторович, – я сейчас в Питер, часа на четыре, порешать некоторые вопросы. Как вернусь – поговорим, – и уже у дверей он обернулся и добавил, – Да, парная телятина в холодильнике, к ужину жди гостей – кажется, с доктором у нас что-то наклеивается..

Там же, Размышления Сергея Петровича.

После ухода коллеги Сергей Петрович на некоторое время поднялся к себе в мансарду. Но работа не клеилась. Далекий, казалось бы, план вдруг рывком приблизился к самому носу. Одновременно пропал даже малый шанс при неудачном исходе дела отступить обратно на подготовленные позиции в двадцать первый век. Теперь если и идти, то только вперед, раздумывать уже некогда. Если медлить, можно навсегда упустить шанс.

У мужчины немного тряслись руки. Он невольно посмотрел в угол между шкафом и каминной трубой. Там, покрытая пылью, стояла бутылка, наполовину наполненная жидкостью соломенного цвета, в которой плавал стручок красного перца и какие-то травки. Эту ядреную микстуру он каждую зиму держал наготове как противогриппозное средство. Двадцать грамм подогретой «микстуры» внутрь (больше добровольно не способен принять даже закоренелый алкоголик) – и в большинстве случаев болезнь немедленно отступает.

Учитель труда не был алкоголиком, скорее, наоборот. И среди своих однокурсников в универе, и во всех своих рабочих коллективах, считая нынешний, он слыл самым малопьющим «молодым человеком», сохраняющим лицо и собственное достоинство даже на самом разгульном корпоративе.

Пить горячую перцовую настойку – это все равно что глотать жидкий огонь. Волна жара прошла по пищеводу в желудок, потом поднялась обратно к голове. Все мысли разом подпрыгнули, ударились о крышку черепной коробки и улеглись на место.

Сев за стол и немного отдышавшись, Петрович задумался. Так, начнем по порядку. Задача номер один: благополучный переход из точки А в точку Б. Им, скорее всего, за исключением самого начала и самого конца пути, предстоит иметь дело не с морем, а с речным перетоком вроде Невы, только во много раз длиннее. И тут предложенный товарищем УАЗовский двигатель будет весьма кстати. В Балтике их ждут в основном встречные западные ветра. Кроме того, на реке, особенно на быстрой, парус – это не очень надежный движитель. Наверняка придется иметь дело с цепью крупных озер, соединенных быстрыми протоками. Учитель решил прикинуть, на что будет похож их путь.

Даже на глаз поток воды, текущей в направлении из Балтики к Северному морю, внушал ему оторопь. Он начал рассуждать. Поскольку климат холодный, даже холоднее современного, то потерями на испарение можно просто пренебречь. У нынешней Ладоги, например, оно составляет не более 2% от общего количества поступления воды. Весь водосбор Северной Двины (она тогда текла к Балтике), нынешней Невы, Луги и Наровы, Западной Двины, Немана, Вислы, Одера, должен искать себе путь для того, чтобы излиться в Мировой океан.

Сергей Петрович залез в интернет и начал выписывать нынешние показатели стока этих рек. Получилось, что это 9500 кубометров в секунду. Сопоставимо с Волгой и Великими Сибирскими реками: Леной, Енисеем, Обью. Если учесть реально более засушливый климат того времени и скостить с этой цифры 50%, то получим 4750 кубометров в секунду, то есть в три с лишним раза больше, чем сегодня имеет Днепр. А ведь до его середины долетит не каждая птица.

Вот вам и узкая, порожистая речка, которую он опасался там встретить. А ведь есть еще сток талых вод с южной окраины ледникового щита, который не поддается никакому прогнозу. Ну, пусть у ожидаемой Супер Невы будет сток от 5000 до 6000 кубометров в секунду. Примерно столько же отдает Балтика Северному морю сейчас, с учетом Северной Двины, текущей в Белое море, и более высокого испарения в летний период.

Правда, горная часть Скандинавии в те времена была придавлена массой ледника, Ютландия же, напротив, была приподнята на сотню-полторы метров, и самое низкое место, скорее всего, находилось в Южной Швеции по линии Варде-фиорд, озеро Меларен, озеро Венерн, Северное море. Там, в районе Стокгольма, и надо искать начало перетока. Причем, что особо неприятно, правый берег перетока может проходить рядом или прямо по границе ледника. А это возможные наезды ледника на русло и связанные с этим подпруживания с их последующими прорывами.

Но это вопрос гипотетический – в начале лета, когда мы туда доберемся, никаких подпруживаний быть уже не должно. Ибо в условиях постоянного антициклона солнце особенно активно бьет как раз в южный фас ледника, заставляя его ускоренно таять. Недаром же и снег весной сходит именно с южной стороны дома.

Значит, так – вот мы попали в Северное море, а теперь куда дальше? Тут может быть два варианта. Если шельфовый ледник в Северном море, существовавший во времена обоих максимальных Валдайских оледенений, растаял, тогда нам придется идти вокруг Британского полуострова, что практически вдвое увеличит наш путь. Если же с ним ничего не случилось, тогда Северное море является таким же проточным озером, как и Балтийское.

А почему он должен таять? Если верно предположение, что отступление ледников случилось не из-за потепления и увеличения летнего таяния, а из-за засухи и уменьшения зимнего прихода снега, то ледник в Северном море находится в наилучшем состоянии. Тогда даже может случиться так, что никакого Северного моря и нет. Есть переток, с одной стороны ограниченный стеной ледника, а с другой стороны – покрытым тундростепями берегом Европы. Эту версию и примем за основную. При путешествии надо будет следовать под европейским берегом, а не под ледниковым. Там запросто можно получить на голову ледышку весом в пару тысяч тонн. Так будет почти до самого Па-Де-Кале. На этом пути после Скандинавии в переток впадут Эльба, Рейн, Маас и Темза, не считая кучи мелких речек. К середине лета, впрочем, они все почти пересохнут. Этот приток должен удвоить силу перетока, и в своих низовьях он будет напоминать Обь или Волгу. Скорее, все-таки Обь, ведь климат в низовьях ближе к тундровому, чем к пустынному. Кстати, именно на этом последнем участке речного пути возможны наши первые встречи с местными людьми.

Почти сразу же после Па-де-Кале начнется узкий морской залив, находящийся на месте нынешнего Ла-Манша. Оттуда до пункта назначения еще около тысячи километров. Чтобы не промахнуться мимо места, нам каждую ночь придется замерять свою широту, а каждый полдень долготу, и тогда мы уж точно не потеряемся, даже если нас случайно вынесет в открытое море. Хотя там все просто – если править прямо на запад, промахнуться мимо Европы из Бискайского залива просто невозможно, тем более что тамошние ветра и течения сами понесут нас в нужном направлении.

Подведем итоги. Весь путь примерно в четыре тысячи километров займет... Посчитаем. Идти можно будет только в светлое время суток, учитывая летний сезон около 10 часов в день, при средней скорости в 5,5 узла, что даст около 90 километров суточного перехода, итого, на все про все, около 45 дней. Добавим 15 дней на разные форс-мажоры и «ефрейторский зазор», после чего получим два месяца на переход. Да, еще минимум две недели придется сидеть на берегу и готовить корабль к плаванию.

Теперь непосредственно о подготовке. Однозначно, что с внешней стороны поверх обшивки из лиственницы надо положить на мездровом клею рубашку из шпона, а поверх нее обтянуть корпус пятью-шестью слоями стеклоткани. Это для улучшенного скольжения и ударной прочности при столкновении со льдом. В эпоксидную массу при укладке последнего слоя необходимо добавить токсина против обрастания и серебрянки для придания нам незаметного шарового цвета.

По парусам, пока есть время, еще раз проконсультироваться у специалистов. Есть ли смысл оставить их прямыми, как в оригинале, или заказать комплект латинских, для большей маневренности.

Внутренняя отделка – вопрос особый. Переход предполагается в морях, температура воды в которых не сильно отличается от нуля, и, кроме того, на воздухе тоже будет не особо жарко. На севере плюс пятнадцать днем и плюс пять ночью. Поэтому в кают-компании необходимо установить печь, пригодную для отопления и приготовления пищи, и дымовую трубу, которую надо будет вывести на палубу под противостормовой грибок.

Но этого мало. По внутренней поверхности шпангоутов и бимсов необходимо пустить вторую, внутреннюю обшивку из тонкой (5-7 мм) доски, а пустое пространство между бортами заполнить резаными листами прессованного пенопласта, и скрепить все это монтажной пеной. Только вот вбивать гвозди в лиственничные бимсы и шпангоуты – занятие для мазохистов, а

посему – дрель, саморез, шуруповерт и тот же мездровый клей. А также электрорубанок, так как кое-где доски придется подгонять.

Поскольку окончательный монтаж придется делать уже ТАМ, на берегу, то надо подумать об электроснабжении. У Сергея Петровича крутилась в голове одна мысль, что-то про машину и генератор – просто гениальная вещь, про которую он когда-то читал в книге или видел в кино. Только он никак не мог вспомнить, что это было.

И тут внезапно его озарило. Длинный деревянный цилиндр, соединенный с валом электрогенератора, машина поднята на кирпичи и уперта так, что задние колеса лежат на цилиндре. Мотор работает, сцепление отжато, передача включена, но вместо того, чтобы ехать, машина крутит генератор. Гениально и просто. Не нужен генератор? Машину сняли с козлов, и она поехала, снова превратившись в транспорт. Правда, там, кажется, был ЗиЛ-130, но это без разницы. Можно использовать даже «ушастый» «запорожец», дело только в мощности генератора.

У Сергея Петровича мелькнула мысль – а может, весь УАЗ того, разобрать, и в трюм? Во-первых, как минимум пятьсот кило из полутора тонн и так едут с ними в качестве двигателя и сопутствующего оборудования. Также можно было бы вместе с двигателем снять двери, капот, крылья, мосты, приборную панель... Но все равно останется рама, габаритами четыре метра на метр восемьдесят, которую без разборки палубного настила в трюм не запихать. Единственный люк на корабле – в средний трюм, и он имеет размеры метр на метр. А палубный настил набран так, и из такого материала, что легче его взорвать. Бросать же эту раму на палубе, где об нее все будут спотыкаться... Нет, оставим этот вопрос, что называется, под вопросом.

Теперь необходимо перейти к квартирному вопросу. На новом месте жительства нужен дом. Четверо взрослых, четверо подростков, трое детей... Нет, не так. Не исключено, что уже осенью-зимой им придется подбирать разного рода брошенных котят. Не обязательно, но и не исключено. Значит, рассчитывать первое жилье надо, как минимум, на вдвое большее количество народа и дополнять его баней и мастерской.

С мастерской, собственно, все и должно начаться, точнее, с навеса. Пока погода теплая, хватит и его. Потом понадобится баня – за два с лишним месяца пути все изрядно засвербеют, а уж инкорпорированные новички вообще наверняка будут рассадниками разного рода шестилапного зверья. В баню нах, с мылом с щелоком, потом только в дом. Что еще... Ах да, древесную золу ни в коем случае не выбрасывать, хоть из печи, хоть из газогенератора. Через нее получают и мыло, и калиевая селитра, и, кажется, стекло... Или нет? Но все равно, зола – ценное сырье и стратегический продукт.

Итак, дом на двадцать пять человек при социальном стандарте Российской Федерации, в 18 квадратных метров жилых и нежилых помещений – это 450 квадратных метров. 450 квадратов – это одноэтажное строение, двенадцать на тридцать с половиной метров. Для расчета площади кровли увеличиваем площадь строения в полтора раза, и у нас получается 675 квадратов – почти все, что Андрей Викторович собрался брать для этой цели.

Так не годится, тем более что такой длинный, как кишка, дом будет очень трудно отапливать. Остается только один вариант – два этажа. Правда, сия конструкция требует несколько большего количества материалов, но на земле коробка занимает уже вдвое меньше места, и соответственно экономятся и кровельные материалы.

Но из чего строить? Сергей Петрович сомневался, что до наступления холодов, или просто дождей они сумеют спилить достаточное количество деревьев и нарезать из них бруса. Вот бы где реально пригодился УАЗ в качестве «колесного» генератора. Он же – источник энергии для электропилы, и он же – трейлер для вывоза леса.

Быстрее и надежнее всего строить дом из глинобитного кирпича, основанный на каркасе из бруса и цельных бревен. Важно только не переборщить с толщиной, чтобы хватило сил устанавливать и крепить семиметровые несущие вертикальные стояки. Таких, с шагом в шесть метров, понадобится десяток. Потом обвязка их сетчатым каркасом из бруса и досок,

дополнительно вертикально в каждой ячейке по два бруса, поперечно и диагонально доска, даже необрезная. Это работа для взрослых.

Молодежь в это время должна лепить и сушить глинобитные кирпичи. Вручную мешать глиняный раствор с сухой травой – занятие для идиотов, так что надо прихватить такую симпатичную бетономешалочку весом 250 кг, за 70.000 рублей, на 300 литров готового раствора. Солому, камыш (или что там еще можно использовать в качестве наполнителя), резать руками тоже будет некогда, значит, понадобится соломорезка. Да и вообще она, как и бетономешалка, вещь ценная, еще пригодится в хозяйстве.

Итак, когда каркас стен выстроен и заполнен сырцовым кирпичом, встает вопрос об отоплении. Тут вариант один – два камина в двух торцевых залах на первом этаже в разных сторонах здания, и осевая двойная стена-дымоход с перегородкой посередине, распределяющая дымовые газы и пронизывающая оба этажа. А значит, у нее должен быть свой каркас. Две дымовые трубы сдвоены и находятся прямо в центре здания. Ширину зала можно взять в три метра; в одном из них кухня и столовая, в другом – общественное помещение, которое можно назвать штабом, клубом или классом. Внутри себя Сергей Петрович в первую очередь оставался учителем и понимал, что местных с самого начала придется учить.

Все остальные помещения получались жилыми, правда, вместо постоянных перегородок планировались сдвижные ширмы. Во-первых, делать их можно будет уже тогда, когда на улице завоюют метели, а во-вторых, по-настоящему уединенные помещения понадобятся только семейным парам.

Ах да – на случай снегопадов, способных завалить первый этаж, на втором этаже, у лестницы, нужно будет сделать аварийную дверь, снабдив ее с наружной лестницей. Так, на всякий случай. Через окна выбираться не удастся – их Петрович, экономя стекло, планировал сделать крайне узкими, вроде фрамуг. Итак, Большой Дом, Мастерская, она же Гараж и Баня. Вот что они построят на новом месте в первую очередь до наступления зимы.

Критически посмотрев на свои записи и эскизы, учитель аккуратно сложил их в стопку. Обо всем остальном – охоте рыбной ловле и прочей добыче ресурсов – надо говорить с коллегой. О сохранении здоровья всех, кто будет жить с ними под одной крышей – с незнакомым ему еще доктором, о железе, меди, свинце и стекле – с геологом, если такового удастся найти. Вздохнув, Петрович спустился вниз – готовить парную телятину. До возвращения товарища оставалось еще два часа.

6 декабря 2010 года. Понедельник. 20:25. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

Сергей Петрович услышал, как подъехала машина. Выглянув в окно мансарды, он увидел, как Андрей Викторович открывает ворота. В стоящем за забором авто явно находился кто-то еще. Хозяин дачи, охваченный любопытством, сбежал вниз как раз в тот момент, когда УАЗ въехал в ворота. Набросив в прихожей на плечи пуховик, он вышел на крыльцо дома.

Открылась задняя дверца, и из машины вышла, как показалось учителю, молодая девушка. И лишь спустя несколько секунд, приглядевшись к ее лицу, он понял, что истинный возраст гостьи скрывала туго стянутая на талии дубленка, да еще узкие джинсы, обтягивающие стройные ноги. На самом деле незнакомке было примерно столько же лет, сколько и ему.

Вслед за женщиной из машины выбрался еще один персонаж. Небольшого роста, широкоплечий, до самых глаз заросший густой седой бородой, которая, впрочем, была аккуратно подстрижена, он производил впечатление какого-то сказочного гнома.

Тем временем коллега уже закрыл ворота.

– Знакомьтесь, – сказал он новоприбывшим, – это Сергей Петрович Грубин, наш великий Мастер и Учитель, а это – Марина Витальевна Хромова – доктор, и Антон Игоревич Юрчевский – геолог. Прошу любить и жаловать.

– Фельдшер я, Андриюша, сколько тебе говорить, – неожиданно хрипловатым, но приятным голосом сказала женщина, – фельдшер.

– Один хороший фельдшер стоит трех докторов, – парировал тот, – так что, Марина, не кокетничай. А ты, Петрович, зови гостей в дом, а то невежливо как-то.

Хозяин дома наконец пришел в себя от неожиданности и, прокашлявшись, указал жестом на вход:

– Э... Марина Витальевна и Антон Игоревич, заходите, пожалуйста.

– Можно просто Марина, – сказала женщина, неожиданно крепко пожимая ему руку, – а вас я буду называть Сергеем...

– Тогда уж лучше Петровичем, – со вздохом сказал тот, вводя гостью в дом, – так будет привычнее.

– А что так? – спросила Марина Витальевна, осматриваясь в прихожей, пока Сергей Петрович, как воспитанный джентльмен, помогал ей снять дубленку, и невпопад добавила, – А у вас тут довольно мило... Сами строили?

– Дед, – сухо ответил Петрович, – ныне покойный. Ветеран, фронтовик, орденосец...

– Ой, – смутилась женщина, – прошу извинить глупую болтливую бабу...

– Да ничего, – ответил учитель, вешая женскую дубленку на вешалку, – Марина, чувствуйте себя свободно, и проходите побыстрее в дом.

Не успел он повернуться ко второму гостю, как с улицы вошел Андрей Викторович, успевший загнать машину в гараж.

– Ну-с, товарищи! – потер он замерзшие руки, – уже познакомились? Петрович, я Марину лет пятнадцать знаю, так что можно без преамбул. Что называется, она «свой парень», так что в общий курс нашей затеи я ее уже посветил. Товарищ Юрчевский – это ее кадр.

Заметив, что женщина собирается снимать сапоги, отставной прапорщик замахал руками:

– Нет, нет, Марина, разуваться не надо. У нас тут по-простому, – сняв свой бушлат, он махнул рукой, – Давай, Петрович, веди в столовую, за ужином и поговорим. Кстати, как там у тебя?

– Телятина, тушенная в духовке, – с оттенком гордости ответил тот.

– Ну, вот и замечательно, – потер руки коллега. – Проголодался я как волк, а точнее, как крокодил.

За ужином поговорить не получилось. Парная молочная телятина, тушенная в духовке с приправами, овощами и картошечкой с собственного огорода – это отдельное нечто, отвлекающее на себя все внимание. Особенно если люди проголодались. В тишине был слышен только перестук ложек, и время от времени просьба о добавке. Марина Витальевна, которая первое время кокетничала на тему «фигуры, которая может пострадать», потом махнула рукой и налегла на жаркое.

Наконец, откинувшись на спинку стула, насытившаяся женщина сказала:

– Все, хватит! Укормили девушку до полной релаксации... – она провела рукой по гладко зачесанным волосам цвета темной меди, собранным в строгий пучок на затылке – машинальный, непередаваемо милый женский жест. Раскрасневшаяся от тепла и сытости, она и вправду выглядела сейчас очень молодо, и только едва заметные лучики в уголках глаз выдавали ее истинный возраст.

– Я бы за вас, Петрович, замуж пошла... – она вздохнула, окидывая хозяина дома дружелюбно-шутливым взглядом, – лет пятнадцать назад, – она помолчала, чуть грустно улыбаясь вслед каким-то своим мыслям и, снова вздохнув, скрестила руки на груди и произнесла уже другим, деловым тоном: – Но теперь об этом говорить поздно, так что давайте о делах.

– Да, – эхом отозвался Андрей Викторович, – давайте поговорим о делах. В свете предстоящей операции должен сообщить, что Марину я знаю если не с самого детства, то не намного

меньше. Одно время мы даже вместе служили – она по своей части, а я по своей. Четырнадцать лет фельдшером в армии – в самых что ни на есть глухих гарнизонах и боевых частях, потом пять лет в составе мобильного госпиталя МЧС. Опыт на пятерых хватит. Мертвого из могилы поднимет. И вот недавно начальство стало намекать Маринке, чтобы она добровольно уступила место молодому поколению. Мол, фельдшера у нас так долго не живут.

– Это точно, – сказала Марина Витальевна, стараясь казаться равнодушной, но складки, вдруг появившиеся в уголках ее губ, говорили о ее истинном отношении к теме разговора, – добро пожаловать на пенсию. И это после долгой и преданной службы.

– Дней десять, как она мне на эту тему по телефону плакалась, – добавил учитель физкультуры. – Когда ты, Петрович, сказал мне, что нам нужен медик, так я сразу про нее и вспомнил. Предложил место в лодке, получил согласие и спросил, не знает ли она, где завалились бесхозные геологи. Она тут же порекомендовала мне товарища Юрчевского. Мы потому так и задержались, что ездили за ним в Озерки.

– Спасибо, что помнишь обо мне, Андрюша! – кивнула фельдшерица. – Так что, друзья мои, куда бы вы ни собрались, я тоже с вами. Если возьмете, конечно.

– Возьмем, куда ты денешься, – кивнул мужчина. – Кстати, Марин, про Антона ты расскажешь или он сам? А то он какой-то неразговорчивый.

– Сам я все расскажу, – ответил Антон Игоревич густым басом. Действительно, за все время пребывания в доме он не сказал и двух слов. – Сам с пятьдесят четвертого года, образование высшее, Питерский Универ, геолог. Облазил весь Союз, от Таймыра до Кушки, и Калининграда до Чукотки. Полевой стаж четверть века. Умею кое-что и кроме этого. Могу подковать лошадь, поймать арканом оленя, выплавить железо из болотной руды. Умею ставить ловушки на зверя, пользоваться копьеметалкой, как банту, и асеегаем, как зулус. Год назад с треском отправили на пенсию; кое-как устроился завхозом в той же конторе, что и Марина. Сегодня вечером звонок – «Антон, ты готов записаться добровольцем?». И вот я здесь. Достаточно?

– Достаточно, даже более того, – ответил Андрей Викторович и посмотрел на Сергея Петровича. Тот слегка кивнул, и бывший старший прапорщик добавил: – Ну, товарищи, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Собирайтесь и одевайтесь. Нас ждет выезд в поле, на исходную позицию, – Сергей Петрович кивнул еще раз, – форма одежды – полевая, командовать парадом буду я! Петрович – мой начштаба и зампотылу в одном флаконе. Поехали, товарищи!

Спустя полчаса и за тридцать восемь тысяч лет до наших дней.

Над доисторической весенней тундростепью пылал багровый закат. Сплющенное, как дыня, солнце шаром расплавленного металла опускалось за горизонт. От красоты захватывало дух. Все до самого горизонта было освещено этим оранжево-розовым светом. Когда УАЗ Андрея Викторовича въехал в далекое прошлое из метельной зимней ночи, все на мгновение потеряли дар речи. Сергей Петрович даже и не рассчитывал на такой эффект. Величие картины поражало.

Марина Витальевна отщелкнула дверцу и ступила своим изящным сапожком на землю нового мира. Вслед за ней выбрались и все остальные.

– Вот теперь я верю, – топнула она ножкой по молодой траве, – а я-то думала, что Андрей так иносказательно говорит про уход в какой-нибудь скит, близость к природе и прочие заморочки. А тут такое! Колитесь, мальчики, как вы нашли эту штуку?

– Она сама нас нашла, – загадочно ответил ей учитель труда, – так получилось.

Антон Игоревич посмотрел на закат, и почему-то шепотом спросил у него:

– Коллега, вы не знаете, почему он такой, как бы это сказать, слишком яркий? Уж очень много красного для обычного заката.

– Пыль, – ответил Петрович, – в воздухе, в верхних слоях атмосферы в сотни и тысячи раз больше пыли, чем в наше время. Из-за этого общий индекс температуры на восемь градусов ниже. Когда мы были здесь днем, у горизонта небо было почти белым.

– Понятно, – кивнул бородач, – но все равно впечатляет. Действительно, вроде бы знакомые края, а вроде бы и нет.

– Итак, – подвел итог этой дискуссии Андрей Викторович, – решайтесь, дорогие товарищи. Или вы с нами – и тогда в путь мы отправимся в следующее воскресенье, или вы против – и тогда мы расстанемся по-хорошему, и забудем друг о друге.

– Конечно, с вами, – воскликнула женщина, щеки которой пылали от волнения, – Андрей, я же сказала тебе, что готова хоть в тайгу, хоть в пещеру, лишь бы не на пенсию. Да я на этой пенсии через полгода повешусь от скуки или с ума сойду... – она повернулась к своему спутнику, – а ты как, Антон?

– Я тоже за, – ответил мужчина тихим голосом, – в смысле – с вами. Мне тоже не хочется покрываться плесенью в темном углу и ждать, пока равнодушные соседи вытащат меня ногами вперед. Но будет ли мне позволено задать несколько чисто практических вопросов?

– Задавайте, – кивнул Сергей Петрович.

– Э-э... Значит, так... Вопрос первый. Какой это исторический период, и сколько лет разделяет его и наше время?

– Это доисторический период, – ответил учитель труда, – время тридцать восемь тысяч лет назад. Пауза между Верхне- и Нижневалдайскими пиками оледенения.

– О-о-о, – сказал геолог, покачав головой, – извините, я, наверное, неправильно выразился. Но в общем, мне понятно. Не самое плохое время, но и не самое хорошее. Вопрос второй. Из-за отсутствия поблизости леса, что, очевидно, является следствием довольно сурового климата, здесь весьма неблагоприятное место для поселения. Вы планируете обосноваться здесь или собираетесь перебраться в другое место?

– Собираемся перебраться. В южную Францию, в район Бордо.

– Замечательно! – воскликнул Юрчевский, – очень хорошее место, всегда мечтал там побывать. Вопрос третий. Как вы собираетесь туда перебраться – пешком?

– У нас есть парусник, – с затаенной гордостью ответил Сергей Петрович, – вольная копия древнерусского коча. Восемнадцать тонн водоизмещения, осадка около метра, в каюте (правда, без комфорта) могут разместиться до двенадцати человек. За вычетом веса корпуса, оснастки и пассажиров, на груз и балласт остается одиннадцать тонн грузоподъемности. Сразу, как только вернемся на дачу, мы вам его покажем. Машина Андрея Викторовича запросто дотянет его до дыры в прошлое.

– Что значит – на груз и балласт? – вдруг поинтересовалась Марина Витальевна.

– Петрович хочет использовать в качестве балласта промышленный металл, который может понадобиться на новом месте – кровельное железо, шестигранный пруток, строительную сетку, – пояснил бородач.

– А также цемент, стекло, немного битума и прочие тяжелые и компактные вещи, которые можно и нужно уложить на самое дно и надежно закрепить, чтоб не сдвинулись.

– Хорошо, – кивнул Антон Игоревич, – с этим понятно. Посмотрю на ваш корабль, потом еще поговорим о нем. Вопрос четвертый. Мы отправимся в этот поход вчетвером, или будет кто-нибудь еще, о ком мы с Мариной пока не знаем?

– Будет, – сказал учитель, – четверо подростков, шестнадцати-семнадцати лет, ученики школы-интерната, в которой я работаю учителем труда. Они-то и помогали мне строить этот корабль. Ну а также трое детей, их младшие братья и сестры.

– Очень хорошо, – с улыбкой кивнул Юрчевский, – надеюсь, что раз эти дети помогли вам построить этот ваш коч, то руки у них растут из правильного места, а не как у многих их сверстников. В таком случае, может, что и получится. Короче, я ЗА. Надо делать. Если уважае-

мый Сергей Петрович при помощи четырех детей сумел построить корабль аж в восемнадцать тонн водоизмещением, то тогда он мастер работы по дереву. Про себя без лишней скромности могу сказать, что почти то же самое могу сделать с металлом. Я бы и в Средние века не пропал, кузнецы – они всегда нужны. Витальевна у нас пусть и фельдшер, но лучше любого врача, поскольку опыт ее не пропьешь. Знает не только таблетки и микстуры, но и всякие травы, и прочие народные средства. Андрей Викторович у нас – командир и организатор, прирожденный вождь и командир. В случае встречи с аборигенами я надеюсь как раз на него. Не в смысле повоевать, а в смысле, что дикарям обычно очень нравятся такие смелые, решительные люди, готовые без колебаний повести их вперед. А если у этого человека еще и получается все задуманное, то он вообще будет вне конкуренции. Кроме того, мы четверо являемся носителями, если можно так выразиться, критической массы технологии, необходимой для развития цивилизации. Вопрос только в том, чтобы ее развитие опять не пошло сикось-накось. Но этот вопрос мы успеем продумать. Опасности – это еще не повод бездействовать, – Антон Игоревич посмотрел на пылающий заревом горизонт, за которым только что скрылся краешек солнца. – В принципе мы здесь видели достаточно, не так ли, Марина?

– Так-то оно так, – ответила женщина, – но прежде чем мы уйдем отсюда, мы должны обсудить еще несколько вопросов. Во-первых, как я понимаю, Андрей и Петрович вносят в общее дело корабль...

– Петрович закладывает в банке трехкомнатную в центре, – сказал бывший прапорщик. – Надеюсь, что минимум миллионов пять мы за нее выручим.

– Это я уже слышала, – ответила Марина Витальевна, – за мою убитую однушку могут дать только в морду, но тыщ триста русскими деньгами я в дело внести могу. Могло быть куда поболее, но однажды на моем пути случился Альфа-банк...

– Марина, у меня аналогично, – сказал Антон Игоревич, – могу внести двести тыщ накоплений и старенький «Москвич», который кое-как еще ездит.

– Очень хорошо, – кивнул Сергей Петрович, – и лучше всего будет, если каждый из вас на свои деньги приобретет тот инвентарь, оборудование и материалы, которые будут нужны ему в работе. Если денег не хватит – добавим. А еще одна машина, пусть и старая, нам пригодится, когда будем свозить сюда все необходимое. Что у вас еще, Марина Витальевна?

– Да нет, все, – ответила женщина, – поедем, посмотрим на ваш корабль, а потом нужно будет думать, как и чем мне укомплектовать свой медкабинет для условий работы, близких к пещерным...

7 декабря 2010 года. Вторник. 15:25. г. Санкт-Петербург.

Во вторник, 7 декабря, у Петровича было всего четыре урока. Отпустив на перемену 7-б класс, он снял рабочий халат, закрыл на ключ мастерскую и быстрым шагом двинулся в сторону логова кастелянши, где переписал размеры одежды и обуви своих юных друзей, объяснив это своим желанием сделать им новогодние подарки. Об ускорении процесса самим подросткам Сергей Петрович пока говорить не стал, во избежание их перевозбуждения и разного рода негативных нюансов. Оставшиеся до воскресенья дни было необходимо провести с максимальной отдачей для дела и не вызывая никаких подозрений, а потом вдруг исчезнуть всем вместе.

Уже около двух часов дня приодевшийся учитель выходил из машины у офиса банка ВТБ на проспекте Большевиков. Молодой менеджер, к которому его направили, пробив по базе предлагаемую в залог квартиру и самого Петровича, стал с ним предельно вежлив. Все было чисто как слеза младенца, клиент неплохо зарабатывал и не был обременен предыдущими долгами, квартира тоже принадлежала лично ему, и за ней не числилось даже банальных долгов за коммуналку.

Как и ожидалось, при залоге, оцененном в семь миллионов, Петровичу предложили пять, сроком на три года. Загадочно улыбаясь, тот подписал кредитный договор и, получив завере-

ния, что кредитную карточку он сможет взять уже завтра, покинул это логово Шейлоков и гнездо ссудного процента.

Дальше они вдвоем совершили еще несколько полезных визитов. Заехав в ближайшее отделение Сбербанка, учитель закрыл счет и получил все свои сбережения. Их оказалось двадцать семь тысяч с мелочью. Потом он побеспокоил своих квартирантов, солидных армянских бизнесменов, и, сказав «Делиться надо», получил с них текущую квартплату за декабрь и вперед за январь. Сами понимаете, Новый год-с впереди.

Нельзя сказать, что его визит обрадовал выходцев из Закавказья, но заявление о том, что им, возможно, придется вскоре съехать с этой квартиры, так как на горизонте появились новые съемщики, более щедрые и кредитоспособные, заставило армян изобразить бурный восторг и выплатить требуемые деньги. Жильцы пообещали с нового года платить больше, и в качестве подарка всучили хозяину пятилитровую канистру с отличным коньяком. Что ж, вещь хорошая, пригодится в хозяйстве, как противошоковое средство. Ну, а наличие за спиной колоритной фигуры одетого в камуфляжный бушлат Андрея Викторовича, с легкой улыбкой поигрывающего монтировкой, свело все недовольство гостей с Кавказа к тихому ворчанию. Как говорится – «кадрового силовика видать издалека».

Обзаведясь, так сказать, карманными деньгами, мужчины двинулись по еще одному адресу. Главной их проблемой было сейчас то, что один корпус коча, пусть даже и готовый к спуску на воду – это еще не корабль. Полноценным кораблем его сделает только парусное оснащение. С этим было сложновато – первоначально проект рассчитывался под оригинальные для коча прямые паруса. Но одно дело ходить по Ладоге и ближайшим рекам, в шаговой доступности от буксиров, спасателей МЧС, да и просто цивилизации, а совсем другое – идти в поход без обратного маршрута, где рассчитывать можно только на себя и свою команду.

Д а и команда, надо сказать, была не ах. Не в смысле моральных качеств (этого у них было хоть отбавляй), а в смысле опыта и физических кондиций. Кое-какой опыт управления парусником был только у Петровича, еще в детстве его пристрастил к этому друг и сослуживец отца Вадим Дмитриевич Ротмистров, которого тогда маленький Сережа называл просто дядь Вадим. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, Вадим Ротмистров вовсе не собирался уходить на покой и всем заявлял, что активный образ жизни позволит ему прожить ровно столько, сколько он сможет выходить в море. Тут принцип простой – как на диван залег, так считай что помер. Однажды отец Сергея Петровича не вернулся из командировки в далекую южную страну, но знакомство с Вадимом Дмитриевичем, который к тому времени был уже на пенсии, от этого не прервалось. Скорее наоборот. Этим летом Петрович, имея в виду свой строящийся коч, даже брал у дяди Вадима уроки судовождения под парусом.

Но дело было в том, что яхта Вадима Дмитриевича была с бермудскими треугольными парусами, самыми простыми и технологичными в управлении. И все другие наличные парусники, кроме, может быть, учебных барков ВМФ, тоже были с бермудскими парусами. И даже барк «Крузенштерн» при всей своей красе, в области управления парусами походил на коч не больше, чем коза на баян. Парус-то у коча тоже был прямой. Но вот способы его постановки и управления были совершенно иными. Если бы было время потренироваться в безопасных условиях, возможно, Петрович и не стал бы так нервничать. Но рисковать не хотелось, ибо ценой ошибки, допущенной сейчас, могли стать жизни всех находящихся на борту.

Когда Петрович понял, что нужно посоветоваться со специалистом, он, конечно же, вспомнил о «дяде Вадиме». Уровень знакомства вполне позволял явиться к старику вместе с приятелем после короткого предварительного звонка. Вадим Дмитриевич оказался дома, и Андрей Викторович погнал машину по указанному адресу.

Старый друг семьи открыл им дверь, одетый в свитер, трико и тапки на босу ногу.

– Хе-хе, Сережа, здравствуй, дорогой, проходи. И приятеля своего представь, – Вадим Дмитриевич смерил учителя физкультуры взглядом с ног до головы, – а то сдается, мы с ним в каком-то роде коллеги.

Тот, заранее проинформированный о некоторых особенностях биографии хозяина квартиры, ответил сам:

– Старший прапорщик СПН ГРУ в запасе Орлов Андрей Викторович, товарищ гвардии майор.

– Хе-хе, – тихо рассмеялся пожилой мужчина, – не подвело чутье-то. Ну да ты проходи, товарищ старший прапорщик, я здесь тебе не покупатель, а ты не молодой. Мы сейчас с тобой в одном звании, «в запасе». Небось, тоже стреляный воробей?

Старший прапорщик Орлов в ответ только молча пожал плечами, мол, что есть, то есть, а хозяин квартиры снова обратился к Сергею Петровичу:

– Ну, Сереженька, раздевайся и проходи на кухню. Я к твоему приходу чайку соорудил. Там и расскажешь, зачем тебе старик понадобился. А то вид у тебя сейчас слишком решительный, как у твоего бати бывал перед самым марш-броском в пекло. Что-то меня от твоего внезапного визита любопытство разбирать начало...

– Ну-с, слушаю вас, молодые люди, – сказал Вадим Дмитриевич, разливая по чашкам горячий крепко заваренный чай.

– Вот, – Петрович расстелил на столе подробный чертеж своего коча, – у меня есть вот такой готовый корпус. И мне нужно срочно подобрать под него бермудское парусное вооружение.

– Т-э-э-э-к, – старый яхтсмен нацепил на нос очки и придвинул к себе чертеж. – Что тут у нас? – изучив его, он поднял голову и поверх очков посмотрел на сына своего сослуживца, – Сережа, что это такое? Я совершенно не узнаю обводов.

– В основе конструкции обводы малого поморского коча, – пояснил Петрович, – меня привлекла малая осадка и возможность свободно вытаскивать корабль на берег. Силовой набор и обшивка корпуса из дерева, лиственницы. Все элементы выгнуты на пару и соединены нагелями и мездровым клеем. Корпус почти готов к спуску на воду. Единственное отклонение от канона – это почти полное отсутствие надпалубного борта, замененного легким леерным ограждением. Оставил его элементы только в местах будущего крепления вант. Летом я с воспитанниками планировал пойти в поход по Ладоге и некоторым ближайшим рекам. Вопрос только в парусном вооружении. Причем решить его надо срочно.

– А в чем срочность, Сережа? – вздохнув, спросил Вадим Дмитриевич, – зима на дворе. И кстати, какое вооружение ты хотел ставить с самого начала?

– Вооружение первоначально должно было быть как у оригинала – два прямых паруса, поднимаемых на подвижных реях. Общая площадь сто двадцать квадратов, причем две трети парусности приходились на грот.

– Понятно, – кивнул пожилой мужчина, – бермудскими парусами тебе будет куда легче управлять, – он еще раз глянул на чертеж, – паруса и мачты под них я тебе подберу. Есть тут ребята, продают б/у в хорошем состоянии. Но, Сережа, ты мне не сказал, почему это так срочно. Пожалуйста, не обманывай меня, я же чувствую, что что-то тут не так.

Сергей Петрович решил:

– Дядь Вадим, тебе я могу сказать, но, пожалуйста, больше не говорит никому. Нас сожрут с дерьмом, невзирая на все твои ордена. Нарисуют дело, и будешь сидеть, как Квачков.

– Квачков дурак, – ворчливо ответил Вадим Дмитриевич, – с нациками связался. Но я твою мысль, в общем, понял, и если ты не забыл, – он постучал себя пальцем по своей «ленинской» лысине, – в этой голове хранится немало убойных тайн, о которых не знает никто, даже ты. Так что давай, говори, если буду в силах – посодействую.

Вздыхнув, учитель коротко рассказал про то, как случайно нашел дыру, ведущую в прошлое, и закончил словами:

– Дядь Вадим, если мы не завершим все свои дела до ближайшего воскресенья, то эта дыра уйдет вглубь, и хрен нам будет, а не поход в прошлое...

Старый яхтсмен немного посидел в молчании, обдумывая услышанное.

– Отговаривать тебя не буду, хотя мне все это не по душе, – ворчливо сказал он наконец, – Но, наверное, ты прав. Если тебе дан шанс свыше, то надо его использовать. Твой отец мог бы тобой гордиться. Как говорится, решение не мальчика, но мужа. Теперь по делу, – он снова взгляделся в чертеж, – парусное вооружение мы тебе, конечно, подберем, хотя «переодеть» твоего «мальчика» в бермуды будет непросто. Уж слишком хорошо предки заточили конструкцию под свой прямой парус.

Вадим Дмитриевич, кряхтя, встал, сходил в свой кабинет и вернулся с листом бумаги и карандашом.

– В выбранном варианте, – сказал он, снова усевшись за стол, – будет, конечно, не яхта, а нечто яхтообразное. Но это нечто будет мореходным и способным ходить под парусом. От пяти до девяти узлов при таких обводах, при хорошем ветре и большой удаче. По уму для яхты такого водоизмещения нужно было бы основную площадь парусности иметь порядка 100 метров, плюс спинакер метров на 50 хотя бы. Но нет, не вытянуть. Такелаж – весь пеньковый. Ремонт стального такелажа в твоих условиях практически нереален. Пеньковые веревки любых толщин я тебя сращивать учил. При наличии пособия и инструментов освоить это дело несложно. Плюс изготовление такелажа из пеньки возможно и при работе на необорудованной площадке. Тип вооружения – если без бушприта и при дефиците времени, то делать все же придется бермудский кэч, исходя из большого расстояния между грот и бизань-мачтами. Большой по размеру парус будет спереди, то есть на грот-мачте. В качестве рангоута и стоячего такелажа берем мачту от яхты Л6 и грот от нее же. Длина мачты на шестерке около 15 метров. Гик – 5 метров с копейками, плюс, минус. При необходимости можно нарастить в небольших пределах у основания. Грот берем тоже готовый от «шестерки», 13.35 на 5 метров. В зависимости от кроя площадь 30-35 квадратов. Бизань-мачту, гик и такелаж берем от полутонника. Мачта 12.5, плюс, минус; гик 3.5 можно найти. От него же грот, у нас выступающий в роли бизани 12.0 на 3.5 метров, площадь 25 квадратов.

Итого, получаем основную парусность в лучшем случае 60 м. кв. Можно всобачить в передний треугольник стаксель от 470 класса площадью 3,58 квадрата. Он как раз впишется в 1.6 метра по нижней шкаторине, в промежуток между грот мачтой и форштевнем. Итого, добиваем до почти 64 метров. То есть, имеем 3.25 квадратных метра парусов на квадратный метр ватерлинии. Для яхтенного корпуса показатель был бы неплох, но тут достаточно полные обводы. Я, знаешь ли, практик... Все точно рассчитать тебе не могу.

Можно дополнительно взять спинакер с класса 5.5 или полутонника – 50 квадратов. Но с необученным экипажем это довольно опасно, так что лучше не надо. Необходим штормовой парус, хотя бы 8 квадратов. Весь комплект парусов должен быть двойным. Ремонтировать их никто на борту не умеет.

Но, естественно, боцманский комплект все равно нужен. Так же как запас веревок, хотя бы пятидесятипроцентный. Желательно иметь на крайний случай две пары весел и шесты, при твоей-то осадке, а так же плавучий якорь. Да, продумай вопрос хранения пресной воды, ее тебе понадобится не меньше тонны. И помни, серебро в емкостях – штука обязательная, а то будешь мучиться с тухлятиной, как Колумб.

Вадим Дмитриевич еще раз перечитал свои записи.

– Ну вот вроде и все. Чтобы тебе никому ничего не пришлось объяснять, все провернем через меня. Сегодня я обзвоню людей, выясню все варианты, а уже завтра с утра созвонюсь с

тобой и сообщу, сколько все это оптом будет стоить, – сложив бумагу пополам, старый яхтсмен снова посмотрел на Сергея Петровича поверх очков и спросил, – с деньгами у тебя как?

– Завтра будет нормально, – учитель показал договор, – так что я кредитоспособен.

– Квартиру, значит, заложил... – пожилой мужчина побарабанил пальцами по столу, пытаясь глядя на сына своего сослуживца, – вижу, действительно с концами собираешься... Ну и ладно – ты уже большой.

– Спасибо вам, дядь Вадим, вы нам сильно помогли, – Петрович поднялся, – ну, мы пошли.

– Иди уже, первопроходец, – Вадим Дмитриевич перекрестил обоих, – и удачи вам, ребята. Будь я помоложе – сам бы с вами подался.

7 декабря 2010 года. Вторник. Вечер. Ленинградская область. поселок Назия, дача Сергея Петровича Грубина.

После визита к бывшему отцовскому сослуживцу Петрович, наскоро поужинав, присел за стол, чтобы заняться важным делом. Исходя из имеющейся суммы и грузовых возможностей имеющегося плавсредства требовалось составить список того, что они смогут взять с собой в каменный век. Раз уж вопрос с парусным вооружением пришлось отложить на завтра, сегодня следовало начать с материалов, которые надо взять с собой для постройки их будущего дома. Достав из стола чертеж, он вошел в Интернет и погрузился в увлекательное плавание по миру товаров, цен и предложений.

Во-первых, кровля из оцинкованного железа – это самая тяжелая часть их будущего дома, которую надо доставить прямо из будущего. На месте в первый год никакой другой альтернативы ему не будет. Для тесовой крыши они просто не успеют напилить леса и натесать из них пластин, а о черепице, или там о соломе, речь вообще не идет, по причине отсутствия самого предмета. Значит, нужно кровельное железо. Для начала Петрович посчитал площадь крыши самого дома – получилось где-то двенадцать метров на восемнадцать при шестидесятиградусном скате, метровом карнизе за край стены и десяти процентах на чеканку швов. Итого – триста квадратных метров железной кровли.

Кроме дома, обязательными капитальными сооружениями станут мастерская и баня. В случае, если получится взять с собой и УАЗ, мастерская превратится еще и в гараж.

Итак, мастерская, сердцем которой станет ленточная пилорама – Р-800, то есть способная обрабатывать бревна диаметром до 800 мм. С учетом этой самой пилорамы планируем размеры двенадцать метров на шесть, и, рассчитав крышу мастерской по той же схеме, что и для дома, получим еще сто четырнадцать квадратов железа.

Баня, размером шесть на шесть метров, потребует пятьдесят шесть квадратов железа на кровлю. Итого, оставив триста метров на водосточные желоба и прочие аксессуары, пятьсот квадратных метров кровельного железа. Кстати, поскольку дом спроектирован на вырост, и если понадобится сэкономить перевозимый вес и трудовые усилия, на первый год баню с предбанником можно будет устроить прямо внутри дома, в одной из нижних секций, вместо четырех комнат и коридора. Только тогда двери надо будет делать такими, чтобы через них потом можно было протащить огромный котел на двести литров для горячей воды.

Решено. Баня первый год будет в доме. Тогда восемьдесят квадратов кровельного железа из груза долой, на следующий год можно будет напилить теса на крышу и построить баньку по всем правилам. Жаль, что из-за постоянного специфического шума оборудования так нельзя поступить с мастерской. Работающая пилорама – это тот зверь, от которого жилье лучше держать подальше. Учитель сделал у себя в бумагах пометку, что мастерскую придется относить от дома подальше, метров этак на пятьсот, и спрятать за какими-нибудь естественными шумопоглотителями.

Теперь о железе. Надо взять самое лучшее, какое только есть в продаже, оцинкованное с одной стороны и покрытое полимерным покрытием с другой. Такое не то что менять, но и красить понадобится не скоро. Толщина... Тут, как и в космическом полете, важен каждый грамм. Пусть корпус коча и весит на тонну меньше своего прототипа, пусть тяжелый груз (тот же металл и цемент) будет использован в качестве балласта. А значит, общая грузоподъемность уже увеличится с восьми до тринадцати тонн. Но в таких условиях лишнего груза не бывает.

Учитель труда – человек действия и романтик в душе – планировал попытаться победить Каменный век, а не наслаждаться им. Поэтому надо помнить, что с кровельного железа все только начинается. Итого, если взять металл толщиной 0,4 мм, то это будет одна тонна триста десять килограмм веса, листы в формате два с половиной метра, на метр двадцать пять. Получается сто тридцать пять листов, стопка которых имеет в высоту всего пять с половиной сантиметров. Увязать киперной лентой, уложить на дно кают-компании, упирая в переборку, и надежно раскрепив, накрыть чем-нибудь резиновым – например, лентами для транспортера. Потом еще пригодятся в хозяйстве. Так и доедет, никому в дороге не мешая. Будет возможность увеличить количество кровли – будет стопка не пять с половиной сантиметров, а шесть, к примеру, или семь. Разницы никто и не заметит.

Теперь надо было переходить к материалам, которые необходимы для фундамента дома, поскольку, как известно, дом, построенный на песке, долго не простоит. Но нечего и думать утащить с собой столько цемента, чтобы его хватило на полноценный массивный бетонный фундамент. А значит, есть только один альтернативный вариант. Ленточный, армированный строительной сеткой фундамент, поверх которого уложены вырезанные из камня блоки, создающие цоколь. Если взять один слой сетки и толщину ленты в семь с половиной сантиметров, то при ширине в полметра по периметру и метр по оси это будет три с половиной куба раствора и два рулона по два метра на двадцать, оцинкованной сетки из 2,5 мм проволоки с пятисантиметровыми ячейками.

Насчет цемента тоже лучше не жадничать – взять не четырехсотую марку и даже не пятисотую, а сразу шестисотую, бункерную. Не деньги экономим – вес. При норме расхода сто пятьдесят килограмм цемента М-600 на куб бетонного раствора понадобится 550 кг цемента.

Петрович сделал пометку, чтобы не забыть некоторое количество вязальной проволоки для соединения сетчатого полотна в одно целое. Полтонны цемента, в мешках по 25 кг, это тоже груз, прекрасно подходящий в качестве балласта. Надо будет только подумать о его качественном креплении и дополнительной гидроизоляции.

Так, из тех стройматериалов, которые необходимо обязательно взять с собой, оставались только строительные гвозди, мездровый клей, оконное стекло и ПВХ пленка. Под гвозди учитель пока отвел полтонны веса, чуть позже можно будет посчитать точнее. Сто килограмм мездрового клея необходимо упаковать в дополнительные пластиковые пакеты и отложить в сторону – несмотря на свой вес, в качестве балласта клей использовать нельзя. Также следует поступить и с тысячей квадратов особой трехслойной армированной ПВХ пленки, имеющей плотность, чуть меньшую плотности воды. Такие предметы, тщательно закрепив, можно поместить во второй ярус, примерно в районе ватерлинии.

А вот стекло – это другое дело. С ним все ясно – двадцать квадратных метров, заранее нарезанных на восемьдесят листов, размером двадцать пять сантиметров на метр. После резки стекло покрывается бронирующей пластиковой пленкой, перекладывается пузырчатыми прокладками, увязывается киперной лентой, снова заворачивается в пузырчатый пластик, и только после этого укладывается в ящики. Четыре ящика по двадцать стекол тоже необходимо тщательно закрепить, и обязательно на первом ярусе.

Но самой ценной и самой главной частью груза станет оборудование по добыче из окружающей среды электроэнергии. Не желая погружаться в темноту и дикость, Петрович решил жить и в каменном веке если не с лампочкой Ильича, то со светодиодным прожектором. А

самое главное – все имеющееся в продаже оборудование требовало для своей работы электричества или горючего.

Морочиться с поиском и переработкой нефти? Так пока это наладишь, успеешь не один раз одичать. Брать же топливо с собой – не хватит никаких запасов. Кто-то может спросить – а как же этиловый спирт? Так вот, идет этот «кто-то» прямо к Бушу-младшему. Из тонны пищевого сырья в лучшем случае получается лишь пятьдесят литров спирта. Все помнят тот феерический взлет цен на продовольствие, случившийся, когда этот американский долбодятел, которого постеснялись бы признать родней и питекантропы, запустил программу, переводящую американские автомобили на алкоголь.

После погружения в прошлое у них тоже очень длительное время не будет избытка продовольствия, достаточного для того, чтобы на нем ездить. А когда такой избыток появится, то уже несложно будет добыть нефть, да и зерно с кукурузой использовать гораздо более рациональным способом. А значит, во главу угла надо ставить электричество, добыть которое из окружающей среды проще, чем тот же бензин. Надо просто иметь соответствующее оборудование и внешнюю силу, готовую приводить его в движение. Солнечные панели будущий покоритель Каменного Века зарезервировал для мелкого баловства. Ноутбук там запитать, лампочки и прочее. И то основным этот источник электричества будет у него только во время путешествия. На месте постоянного проживания солнечные панели годились лишь для аварийного освещения. Никакие промышленные инструменты и оборудование от них запитать нельзя.

Значит, нужна самая настоящая электростанция с самым настоящим электрогенератором. Некоторые сейчас скривят свое лицо и скажут – ага, как же, электростанция в каменном веке! Своими руками! Рояль же!?

И никакой не рояль, ответил бы им Сергей Петрович, показав на сайт ПО «Электромотор» со списком предлагаемых к продаже разнообразных электрических асинхронных двигателей мощностью от ста двадцати ватт до трехсот киловатт. А асинхронный двигатель – это такая интересная штука, что свободно может использоваться по обратному назначению, в качестве электрогенератора. Для этого к нему надо добавить возбуждающие конденсаторы и пару трехфазных автоматических выключателей для возбуждающего контура и для полезной нагрузки.

В качестве привода электрогенератора изначально планировалось использовать УАЗовский двигатель 451М, переведенный на питание от газогенератора. Газогенератор, двигатель и электрогенератор вместе составляли электростанцию. При работе от светильного газа мощность двигателя падала с семидесяти пяти лошадей до пятидесяти, а обороты с четырех тысяч до трех. Двигателю с мощностью в пятьдесят лошадиных сил соответствовал генератор мощностью в тридцать киловатт, рассчитанный на три тысячи оборотов в минуту. Такой двигатель у «Электромотора» был, и назывался он АИР 180-М2. Весил он всего сто семьдесят килограмм и стоил смешные деньги – двадцать три тысячи двести сорок рублей в розницу. Этой мощности хватит, чтобы запитать дом, мастерскую с пилорамой и кучей электроинструмента, да еще останется про запас. Так что никто не скажет, что система работает в режиме перегруза.

Немного подумав, Сергей Петрович добавил в заказ еще один такой электродвигатель вместе с конденсаторами и рубильниками. Вторая электростанция такой же мощности должна была в качестве привода иметь обычную водяную мельницу и работать в основном в летний период.

По той причине, что подходящее для мельничного пруда место может оказаться далеко от дома, Сергей Петрович добавил в комплект километровую бухту силового гибкого медного кабеля с сечением жил в десять квадратов. Щит, коммутирующий нагрузку, пусть находится в мастерской. Там же можно установить и тепловую станцию. Шуметь она будет не сильнее пилорамы.

Записав все это, он улыбнулся – теперь под их будущую жизнь в прошлом подведена надежная энергетическая база. Но оставалась пара проблем. Возиться на лесоповале с ручными

пилами, а потом тащить бревна на себе к пилораме – верх идиотизма, да и провозятся они так до самой зимы, ничего не успев сделать.

И если первая проблема решалась небольшим мобильным источником энергии, от которого можно было бы запитать цепные электропилы, то решение второй проблемы представляло некоторую сложность. В качестве основы мини-гидроэлектростанции годился асинхронный двигатель АИР-112М2 на 7,5 киловатт, который следовало возбуждать через клеммник на 220В. Для его работы требовался только ручей, который можно запрудить, водобойный лоток и водяное колесо. Все. Километровая бухта двужильного кабеля сечением по шесть квадратов позволяла лесорубам работать электроинструментом на площади трех квадратных километров.

Единственное, что необходимо будет запретить – это пилить деревья меньше чем в двадцати пяти метрах от ручья. Ни к чему им овраги рядом с домом. Для вывоза напиленного был только один путь. Они все-таки должны попытаться вывезти в прошлое УАЗ целиком. Ну, или почти целиком, лишь бы ездил.

Взяв в руки мобильный, Петрович позвонил Андрею Викторовичу, который в этот момент находился у своего знакомого, владельца автосервиса, переделывающего машины на дровяные газогенераторы. После долгого разговора учитель стал беднее на миллион двести тысяч рублей, но договорился, что к пятнице ему соберут три готовых газогенератора. За эти же деньги они приобретали комплект деталей для переделки УАЗа старшего прапорщика Орлова в самый зверский газогенераторный грузовой Бигфут, и еще два двигателя 451М вместе со сцеплениями. Один комплект двигателя с газогенератором предназначался для устройства электростанции, а второй предполагалось на постоянной основе установить в кочу.

Положив трубку, будущий прогрессор закончил подсчеты, и, зевнув, отправился спать. Завтрашний день обещал быть не менее трудным, чем нынешний.

8 декабря 2010 года. Среда. Полдень. г. Санкт-Петербург.

С утра на уроках Сергей Петрович старался вести себя как обычно, удерживая свои эмоции в узде. Ведь осталось всего четыре дня, а у них еще и конь не валялся. Сегодня они с коллегой должны снова заехать в банк за кредитной картой, после чего можно начинать закупки. Но что именно покупать? Составленный вчера список далеко не полон. Даже в эту часть, возможно, придется вносить изменения, в чем-то ужимаясь, поскольку не беспредельны ни грузоподъемность коча, ни финансовые ресурсы. А в походе в прошлое с билетом в один конец, если ты о чем-то забыл – значит, забыл навсегда. Гипермаркетов по дороге не предвидится.

Надо будет еще раз посоветоваться со всеми участниками похода, и не только с ними. Например, дядя Вадим способен дать еще не один полезный совет из разряда тех, что, возможно, позднее спасут им всем жизнь.

С трудом дождавшись окончания рабочего дня, учитель труда сел в машину к Андрею Викторовичу, и они снова направились в город. Телефонный звонок старого яхтсмена застал их перед выходом из банковского офиса, когда Петровича в кармане уже лежал заветный кусочек черного с золотом пластика.

– Хе-хе, – прозвучал в трубке знакомый голос, – как дела, путешественник?

– Дела нормально, – ответил тот и добавил иносказательно: – заправили полный бак.

– Ну и хорошо, – крикнул Вадим Дмитриевич. – Ты это, подъезжай с деньгами, я тут подобрал тебе кое-что. Вроде комплект полный, но надо будет поставить все на место, а потом еще раз подумать.

– Сколько привезти? – задал учитель вполне закономерный вопрос.

– Ах, да... – по звукам в трубке было слышно, как посвященный в тайну хмыкнул и прокашлялся, – восемнадцать штук зеленыю, хотя можно и эквивалент деревом, но... – дядя Вадим хихикнул, – только не черным.

– Хорошо. Жди, – ответил Петрович и, отключившись, засунул мобильник в карман. Круто развернувшись, они с товарищем вернулись в операционный зал банка. Еще через четверть часа учитель труда опустил в карман пиджака две полные пачки стоцолларовых купюр. Необходимость тащить с собой набитый рублями чемодан в валютном вопросе убивала на корню весь патриотизм.

Через полчаса они были на квартире у Вадима Дмитриевича. Ни слова не говоря, Сергей Петрович придвинул к хозяину одну полную пачку зеленых бумажек и еще восемьдесят штук отсчитал из второй, – Вот, дядя Вадим, – сказал он, – восемнадцать тысяч зеленю, как и договаривались. Дерево просто тащить было неохота, слишком тяжелое.

Крякнув, пожилой мужчина собрал шуршащие бумажки со стола и убрал в ящик секретера. Взамен на столе появился ввосемьмеро сложенный лист бумаги.

– Вот твое парусное снаряжение, читай.

В бумаге было вот что:

Полное парусное вооружение:

Мачта от Л6 (клееная сосна) 176 кг – Подарок дяди Вадима

Мачта от однотонника (люминий) 111 кг – 160 000 руб.

Гик от Л6 (деревянный) 34 кг – Подарок дяди Вадима.

Гик от Л6 (запасной деревянный) 32 кг – Подарок дяди Вадима.

Гик от однотонника (люминий) 17 кг – 34 000 руб.

Дельные вещи: 8 лебедок плюс 2 запасных, и все прочее 410 кг – Подарок дяди Вадима.

3 якоря (2х40 + 1х30 Данфорта, Матросова и «плуг 110 кг – (ящик водки у боцмана)

4 якорных троса 280 м. 196 кг – 42 000 руб.

Такелаж стоячий из Дупета 300 м. 210 кг – 31 500 руб.

Такелаж стоячий резервный 150 м 105 кг – 15 750 руб.

Такелаж бегущий из Дупета 120 м 36 кг – 3 960 руб.

Такелаж бегущий резервный 60 м 18 кг – 2 000 руб.

Грот от Л6 Дакрон SQ 18 кг – Подарок дяди Вадима.

Грот от Л6 Дакрон SQ (запасной) б/у 18,5 кг – 15 000 руб. боцману яхт-клуба.

Грот от однотонника 15 кг – 25 000 руб.

Грот от однотонника (запасной) 15,5 кг – 22 000 руб.

Стаксель от 470 2,5 кг – 5 000 руб.

Стаксель от 470 запасной 2,5 кг – 3 000 руб.

Штормовой грот 6,5 кг – Подарок дяди Вадима.

Штормовой грот запасной 6,6 кг – 1 500 руб.

Плавучий якорь 6 кг – 3 120 руб.

Плавучий якорь запасной 6 кг – 3 120 руб.

Руль запасной,

Надувная лодка – 2 шт,

Конец Александрова (Плавучее кольцо с линем 30м 1кг) – 390 руб.

Жилет страховочный 12 шт. 12 кг – 5 400 руб.

Жилет спасательный 12 шт. 12 кг – 500 руб.

Черпак 3 шт. 1,5 кг – 600 руб.

Сигнальный свисток 3 шт. – Подарок дяди Вадима.

Крюки отпорные 3шт. 18кг – 1 800 руб.

Весла 2,3 м с уключинами 5 шт. 30кг. 7 000 руб.

Ведро брезентовое 3 шт. 2кг – 489 руб.

Набор такелажного инструмента 3 штуки 10 кг – 9 900 руб.

Огнетушитель 3 шт. 3кг – 9 000 руб.

Помпы ручные трюмные 3 шт. 8кг – 8 700 руб.

Навигация:

Бинокли 3шт – 4 692 руб.

Эхолот рыболовный (но может определять и другие препятствия) – 6 313 руб

Компас 70 мм со встроенным компенсатором девиации – 3 822 руб.

Радар Furuno M-1623 – 67 831 руб.

Хронометр судовой – 38 000 руб.

Комплект принадлежностей для прокладки – транспортиры, штурманские линейки, курвометры, циркули, и ты ны и ты ды – подарок от дяди Вадима.

По весу и деньгам, все вместе, порядка 1700 кг и 530 000 руб.

Дочитав до конца, Сергей Петрович аккуратно снова сложил лист и убрал его в карман.

– За подарки спасибо, – с чувством сказал он, – дядя Вадим, даже не знаю, чем и как вам отдаться. Только вот боцмана жалко – сопьется, бедняга.

Тот пожал плечами:

– Не разлили еще тот ящик водки, который способен свалить с ног Карпыча, – а потом проворчал, – чем отблагодарить, не знаешь, а как насчет место показать? Я понимаю, что эта ваша дыра скоро опять исчезнет, так хоть на мамонта одним глазом глянуть дайте. Будет что вспомнить. Да, кстати, корабль у тебя получится хоть и мореходный и способный ходить под парусом, но не чемпионских статей. С центром парусности дело вообще кошмар. Вот тебе еще один мой подарок, – он встал и подошел к книжному шкафу, – в разумении будущего, может быть, самый ценный, – на стол брякнулся тяжеленный том в кожаном переплете. – Если надумаешь заниматься там кораблестроением, то учти, что здесь есть чертежи и расчеты всех кораблей, какие ты сможешь построить из дерева. От сердца отрываю, но дарю, – дядя Вадим вздохнул. – А вот место свое ты мне все же покажи.

– Нет проблем, – ответил Сергей Петрович, переглянувшись с коллегой, – поехать можно хоть сейчас.

– Сейчас не можно, – вздохнув, сказал Вадим Дмитриевич, – сейчас я возьму вашу «зелень» и поеду раздавать сестрам серьги. Я же понимаю, что у вас все горит, так что сегодня к вечеру постараюсь собрать и доставить весь комплект. Позвоните мне около восьми.

– Вечер – это тоже интересно, – задумчиво проговорил учитель труда. – Закат на планете Земля, будет, пожалуй, интересней крыш Монмартра.

– В смысле? – заинтригованно спросил пожилой специалист по парусному судостроению.

– Кто не видел, тот не поймет, – загадочно ответил отставной прапорщик, – не проявляйте излишнего любопытства, товарищ гвардии майор, а то испортите себе все удовольствие.

8 декабря 2010 года. Среда. Вечер. Ленинградская область. Окрестности поселка Назия, и одновременно то же место 38 тысяч лет назад, во времена ледников и мамонтов.

Мужчины не стали больше наносить никаких визитов и совершать разные необдуманные покупки, и, сделав лишь одно небольшое исключение, сразу направились в сторону Синявино. На выезде из города их уже ждал старенький москвич Антона Игоревича, нагруженный всякой всячиной до самого верха, словно верблюд. Марина Витальевна стояла в стороне на обочине, переминаясь стройными ножками в узких брючках. Это все, наверное, от того, что на заднем сиденье «москвича» сидело нечто огромное и собакообразное, такое же рыжее, лохматое и мордастое, как и сам хозяин.

– Ой, мальчики, здравствуйте! – женщина изящно впорхнула на заднее сиденье УАЗа. – Поехали скорее, а то я так замерзла. Вы даже не представляете, как мы с Антоном вас заждались.

УАЗ рванулся вперед. Еще вчера, после переговоров с Юрчевским по телефону, было решено, что нет смысла привозить все необходимое для путешествия на Петровичеву дачу, а лучше всего устроить сразу у «дыры» временную базу. Исключением из правила не делать необдуманных покупок стала 300-ваттная солнечная панель фирмы «Сони» с автомобильным аккумулятором в качестве накопителя, контроллером заряда и несколько светодиодных фонарей. Свет превыше всего.

Антон Игоревич, неожиданно для начальства взявший отпуск за свой счет, должен был стать комендантом этой базы. Его «Москвич», кроме кузнечно-геологических принадлежностей и медицинских инструментов Марины Витальевны, был дополнительно загружен геологической палаткой, спальным мешком, таганом, котелком, чайником и прочими необходимыми в походе причиндалами.

До места доехали уже в сумерках. Убедившись, что возле дыры нет посторонних, они свернули в прошлое. Тут солнце висело уже низко над горизонтом, а в середине холма по-прежнему торчал ствол засохшей елочки, который Петрович в качестве вешалки воткнул в кротовую нору еще в первый день. Вот возле нее и расположились будущие прогрессоры, используя несчастную елочку по прямому назначению, то есть повесив на нее свои куртки и полушубки.

Собака Антона Игоревича оказалась сукой кавказской овчарки, коренастой и лохматой. Не спеша выбравшись из машины, она потянулась всем своим огромным телом и улеглась на солнечной стороне пригорка, внимательно наблюдая за происходящим, чуть помахивая лохматым хвостом.

А посмотреть было на что. На холме намечался небольшой пикник во славу возвращения к дикой природе. Юрчевский, порывшись в залежах своей амуниции, вытащил на свет божий ружье, в котором старший прапорщик не без удивления узнал хорошо сохранившийся самозарядный карабин Симонова (СКС) в армейском исполнении. Такой вывод можно было сделать по сохранившемуся откидному штыку.

Вогнав в магазин обойму и еще четыре рассовав по карманам, геолог направился, как говорят коренные южане-луизианцы, «пострелять во имя обеда», ну а точнее, ужина. Тем временем Петрович и его коллега установили солнечную панель, чтоб она заряжала батарею, взяли по туристскому топору и пошли рубить стволы плавника, выброшенные на берег. Такое высушенное дерево горит как макаронины артиллерийского пороха, поскольку влаги в нем остается самый минимум.

Вскоре под таганом уже весело разгорался огонь, языки которого лизали большой, чуть помятый алюминиевый чайник, в котором бурлила чистойшая талая ледниковая водица. Марина Витальевна расстелила большой брезент, на котором разложила малый набор для разделки и потрошения дичи. Соль, перец и лавровый лист тоже поджидали своей очереди.

Вы думаете, что люди на радостях затеяли пьянку? Да нет же! На Руси испокон веков, от Рюрика и до наших дней, все важные совещания оформлялись как спецмероприятия со спецобслуживанием. Со стороны посмотришь – пьянка, а вникнешь – военный совет.

Сняв чайник с тагана и бросив в него горсть заварки, Сергей Петрович вздохнул:

– Вот, друзья мои, наслаждайтесь, пока есть. С дурными привычками ТАМ нам придется завязывать. Чай или кофе будут недоступной роскошью.

– Это еще почему? – спросил отставной прапорщик, ставя на огонь вместо чайника котел.

– Потому что навечно никаких запасов не хватит, а чай в диком виде растет у нас в Китае. Кофе, к примеру, чуть ближе – в Эфиопии. Что Эфиопия, что Китай – для нас они будут так же недостижимы, как Марс.

– А если семена с собой взять? – подняла голову женщина, – я без кофе не могу. Если с утра чашку не выпью, то весь день хожу совсем никакая.

– Климат там вроде неподходящий будет, Мариночка, – хмыкнул Андрей Викторович, – если и возьмешь пару саженцев, то будут тебе лишь цветочки в горшочках.

Та села на пятки.

– Мальчики, а что, если нам теплицу сделать? Зимой-то вы что кушать будете? А тут огурчики, помидорчики, баклажанчики, перчики и прочие укропчики. А в самом теплом уголке теплицы пусть будут чай и кофий...

– Слышь, Петрович, – откликнулся учитель физкультуры, – Маринка дело говорит. Не знаю, как без чая и кофе, но без свежих овощей нам зимой никуда. Сто кило пленки – это почти тысяча квадратов. Да и деньги, в принципе, небольшие. Зато сколько удовольствия.

– Отапливать как? – проворчал его коллега, – отдельную печь придется горючить, – он почесал лысеющую макушку. – Хотя затея не лишена смысла; зимой, особенно первой, без свежих овощей действительно будет туго. Значит, так и запишем – пленку взять, с отоплением мудрить на месте – если сделаем двойные рамы, то много тепла и не понадобится.

Вода в котле уже начала побулькивать, когда подошел Антон Игоревич, таща за лапы двух довольно крупных представителей породы длинноухих.

– И все тут гигантское, даже зайцы, – сказал геолог, бросая свою добычу на брезент, – совсем запарился, пока ташил. Что тут у нас, горячий чаек? А ну, Мариночка, плесни-ка кружечку добытчику.

Выпив большую трехсотграммовую кружку черного, как смола, чая, он приступил к потрошению и разделке добычи. И вскоре зайцы были вычищены, порублены, и вместе с луком, перцем, лавровым листом и солью заброшены в котел. Началось священнодействие приготовления охотничьей заячьей похлебки.

Солнце почти склонилось к горизонту, когда в кармане у Сергея Петровича запищало. Будильник сотового телефона возвестил, что «пришло время пить херши», то есть звонить Вадиму Дмитриевичу. Для этого надо было через «дыру» выйти обратно в XXI век. Следом за товарищем на ноги поднялся Андрей Викторович и сказал, что пойдет вместе с ним для подстраховки. Мало ли какие нехорошие люди могут шататься по окрестностям, а в кармане у товарища карточка больше чем на четыре миллиона рублей. Взяв СКС геолога, старший прапорщик загнал в магазин три недостающих патрона, после чего забросил оружие на плечо стволом вниз. Теперь, чтобы привести его в положение «наизготовку» и сделать от бедра первый выстрел, понадобится меньше секунды. Что-что, а стрелять муху влет этот человек умел.

Но все обошлось, никакие негодяи не караулили у выхода из «дыры», и Петрович свободно переговорил с Вадимом Дмитриевичем. Они договорились, что примерно минут через сорок того надо будет встретить на съезде с трассы «Кола».

Огромный багровый диск почти коснулся горизонта, когда Андрей Викторович завел свой УАЗ и выехал на назначенное свидание. Все прошло благополучно, и еще через четверть часа в каменный век вслед за УАЗиком отставного прапорщика въехал массивный УАЗ-«Патриот» с прицепом, принадлежащий старому яхтсмену. Местность сразу стала напоминать автостоянку. Мужчины, дружно взявшись за дело, быстро разгрузили прицеп, сложив на вершине холма целую кучу припасов. Потом всех позвали к столу и открыли общее собрание Прогрессоров и приравненных к ним лиц. По кругу пошла трехсотграммовая кружка с армянским коньяком, в которой каждый, что называется, омочил губы. Потом настала очередь похлебки из зайчатины, и лишь затем – серьезных разговоров.

– Хорошо у вас тут, – вздохнул пожилой мужчина, отложив ложку, – тишина, благорасстворение, зверье, можно сказать, само в котел прыгает. Но когда я начинаю думать, сколько вам всего придется сделать, у меня на голове остатки волос встают дыбом. Сережа, мы еще посмотрим твой коч. Ты всегда был мастер делать все своими руками. Но даже если у тебя

получился самый совершенный сплав старинной мудрости и современных технологий, я должен напомнить, что даже самые совершенные корабли порой не выдерживают схватки с разрушительной мощью природы. При том, что половина команды у тебя не обучена, а вторая еще и слабосильна. Что ты будешь делать, если твой корабль сядет на мель? Древние снимались с нее, наматывая якорный канат на кабестан. Но их теперь не делают, да и с бермудским вооружением места для них не осталось. И хорошо, если это будет песчаная мель. А если илистая, которая засасывает, или камни? С камней, кстати, ты можешь и не сниматься – днище, скорее всего, будет пропорото. Но, в любом случае, я вас очень уважаю, и говорю все это потому, чтобы вы были предельно осторожны, не пытались двигаться в темное время суток, и держались подальше от бурунов и других подозрительных мест, – он перевел дух, провожая взглядом пылающее солнце. Затем, кашлянув, продолжил: – А насчет моих слов подумай; ни одна якорная лебедка не в состоянии сдернуть твой коч с добротной песчаной банки. Буксиры же для тебя, сам понимаешь, не предусмотрены в принципе.

– Дядь Вадим, – сказал Сергей Петрович, – над этим я тоже думал. Но не в смысле снятия с мели, на нее я вообще надеюсь не попасть, а в смысле вытаскивания корабля на берег и стаскивания его обратно в воду. У нас здесь нет причала, а значит, погрузку и оснащение корабля следует произвести на берегу. А потом, в точности следуя старинным технологиям, спустить корабль в воду, – он секунду помолчал, пытаясь определить реакцию старого яхтсмена на свои слова, и видя, что слушает с интересом, продолжил: – Ты правильно заметил, что установить два кабестана на коче уже невозможно. Там и для одного-то нет места – все оно занято стакселем и гиками. Но есть вариант получше, и это будет компактнее кабестана. У себя в гараже я использую ручную рычажную таль с силой подъема до девяти тонн. То есть, сертифицирована она на девять тонн, а испытана на одиннадцать. Но это неважно – если грунт будет очень неприятным, вроде крупной шкурки, или корабль будет сильно груженным, и девяти тонн не хватит, то тогда можно воспользоваться подвижным блоком и еще раз удвоить тягу тали. Восемнадцати-двадцати тонн мне хватит, чтобы поднять корабль «за уши», а не только снять его с мели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.